

К. Д. Бальмонт
Избранные переводы

СОДЕРЖАНИЕ

І. ЗОВЫ ДРЕВНОСТИ

ЕГИПЕТ

Гимн к Ра, когда он восходит в восточной части неба (Гимн к солнцу)
Из древнеегипетской лирики

Любовь
Час наступал
"Нежная, нежная в чарах любви..."
Где гордые стены?

МЕКСИКА

Воскликновенья богов и богинь

Песнь Вицтлипохтли
Песнь Со-щитом-рожденного и Владычицы земных людей
Песнь Облачных змей (Вот Севера, Бог Охоты)
Песнь богини маиса

ПЕРУ

Владычица влаги

Из "Апу Ольянтай"

Туйя
Две птички

ХАЛДЕЯ

Аккадийское заклинание. Разночтение первое

АССИРИЯ

Псалом ассирийских царей

ИНДИЯ

Из ведийских гимнов

Изначальность

ИРАН

Из "Зенд-Авесты"

Агурамазда
Утренняя и вечерняя молитва
Собака

ОКЕАНИЯ

Солнце
Звезды
Ворон
Мурамура
Час любви
"Мертв мой владыка и друг..."
Похоронная песнь (Два голоса)
Из малайских заговоре

Заговор о стреле
Заговор любовный
Заговор для памяти

ЭЛЛАДА

Из орфических гимнов

Гимн к ночи. Воскурение светильников
Гимн к звездам. Воскурение ароматов
Гимн к земле. Воскурение всякого рода семян, исключая бобов и ароматов
Гимн к любви. Воскурение ароматов

СКАНДИНАВИЯ

Из "Эдды"

Речи Высокого
Советы Брюнхильд
Слово о рунах
Песнь Гаральда Смелого (Норвежская баллада)

БРЕТАНЬ

Пророчество Гвенк'глана
Из бретонских легенд
Артур на брани
Соловей

II. НАРОДНЫЕ ПЕСНИ И СКАЗАНИЯ

ИЗ ИСПАНСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

- I. Soleares
- II. Copias
- III. Seguidillas

ПОЛЬСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗАНИЯ

Зеркало Твардовского
Твардовский
Вечная юность Твардовского
Пилигрим

ИЗ ЛИТОВСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

Песни и дайны

Месяц
"Солнышко встало..."
"Иду, иду я..."
Рута
У березки
Литвин
Месяц и Солнце
Мать и дочь
Воробьиный праздник
Заревая
Садик
Сельский староста

ИЗ СЕРБСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

Смерть матери Юговичей
Пахота Марка Кралевича

ИЗ ХОРВАТСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

"Дивное увидеть довелось мне..."
"- Что ты больно, девушка, красива..."
"Хорошо проснуться раным-рано..."
"С девушкой ли женщина сравнится?..."
"Девушка кличет с горного срыва..."
"Сколько раз тебе я говорила..."

ИЗ БОЛГАРСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

Коледари
Лоза
Дождь бисер
"Дай мне, Боже, крылья лебедины..."
Чума
Маргита
Невеста Тодора
Журавли
Сон
Жених да не женился
Последнее желание

ИЗ АРМЯНСКОЙ НАРОДНОЙ ЛИРИКИ

1. "Солнце взошло среди туч..."
2. "Я зажглась - я горю, как свеча..."

ИЗ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

Зеркало

III. ИЗ ИНОЗЕМНЫХ ПОЭТОВ

ИЗ ПОЭЗИИ ЭЛЛАДЫ

Сафо

1. "Кругом – свежий ропот в ветвях..."
2. "Зашла Луна..."
3. "Вот, счастливый супруг..."
4. "С чем, о любимый, тебя я, с чем я сравню?..."
5. "Девственность, девственность, стой!..."

ИЗ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Ду Фу. В уровень с водой

ИЗ ЯПОНСКОЙ ПОЭЗИИ

Танка

Кикиномото Хитомаро. "Ночь бесконечна..."
Осикоти-Но Мицуна. "Весенней ночью..."
Неизвестный автор. "Осенней ночью..."
Бунья-Но Ясухидэ. "В дыхании горном..."
Опо-Но Комати. "Вся краска цветка..."
Киовара-Но Фукаябу. "Всего лишь полночь..."
Ки-Но Цураюки. "Сердцу ль человека..."
Минамото-Но Сигеюки. "Как волны, что бьются..."
Фудзивара Кинто. "Водная пена..."
"Шум водопада..."
Минамото-Но Тамэиси. "Будь я Луною..."
Император Сутоку. "Пороги в пене..."
Рёдзэн-Хоси. "Пустынно-грустно..."
Цунэнага Асон. "Хотя я только..."
Фудзивара Нобуиси. "Оставить в мире..."
Муро Кюсо. "С одним и тем же..."
Мотоори Норинага. "В вечернем свете..."
Дзиппенся Икку. "Разлука с жизнью..."
Ёсано Кан (Тэккан). "В вечерней дали..."
"В тиши вечерней..."
"Я на распутьи..."

Хокку

Икэниси Генсуй. "Собака воет..."
Басе. "Летние травы..."
Кикаку. "Полнолунье..."
Бусон. "По листьям опавшим..."
"Уходя с колокольни..."
"Холодно..."
Такува Ранко. "Деревушка пустынная..."
Иноуэ Сиро. "Росу услышишь..."
Неизвестные авторы. "Сколько листьев опавших!..."
"На мертвой ветке..."

ИЗ ИНДИЙСКОЙ ПОЭЗИИ (XVIII ВЕК)

Мир Таки. "Мысль приникает..."
Шах Селим. "Я хочу, чтобы розовый камень..."
Миян Джанеу. "Если сердце болеет любовью..."
Соз. Газель

ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Уильям Вордсворт. Уединение
Альфред Теннисон. Странствия Мальдуна

ИЗ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

Георг Бахман. Тени

ИЗ СКАНДИНАВСКОЙ ПОЭЗИИ

Тор Ланге. Clair-obscure

"Встань же, месяц, встань и будь..."

ИЗ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ

Жозе Мариа де Эредия. Раб
Морское дуновение

ИЗ БЕЛЬГИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Шарль ван Лерберг
Из поэмы "Сад замкнутый"
5. "Я прильну к тебе здесь..."
6. "Протяни свои руки в зыби мои..."
Из поэмы "Песнь Евы"
Я
Возлюбленный
Приношение

ИЗ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Анджоло Орвьето. Земля смерти

ИЗ ИСПАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Луис де Гонгора-и-Арготе. Испанец из Орана. Романс

ИЗ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

Ян Каспрович. "Он мечется по полю, ветер..."
"Полюбила душа моя, любит..."
Болеслав Лесьмян. Взмах весел

ИЗ ЛИТОВСКОЙ ПОЭЗИИ

Майронис (Йанас Мачюлис). "Исчезну как дым..."
Людас Гира. Кто?
"Любимая, вчера темнела вышина..."
"Ты слышал ли..."
Балис Сруога. Сегодня

ИЗ ЧЕШСКОЙ ПОЭЗИИ

Карел Гинек Маха. Из поэмы "Май"
"Вы далеко - стремящимся богом своим..."
Ярослав Врхлицкий. В аллеях
Знак солнца
Строфы
Песня
Оазисы
У цели
Антонин Сова. "Я много вытерпел..."
Октябрь
Песня
"Как белый город восточный..."
"Березы шумят над затишьем воды..."
"Каждому весны светят..."
Отакар Бржезина. Настроение
"Вечно снова..."
Петр Безруч. Кто на мое место?
"В правой руке нес тяжелый я молот..."
Карел Томан. Солнечные часы
Февраль
Март
Апрель
Иржи Волькер. Море

ИЗ БОЛГАРСКОЙ ПОЭЗИИ

Николай Ракитин. "Я всюду и во всем..."
Простор
Ночь
"Над могилой моей вы не ставьте креста..."

Николай Лилиев. Звон
Емануил Попдимитров. Лаура
Нива
Иван Вазов. Болгарский язык
Россия

ИЗ АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Петрос Дурян. Моя скорбь
Сипил. Ладан
Александр Цатурян. Ручей
Ованес Туманян. "С горных высей стремится ручей..."
Ваан Терян. Наирянка
И. Иоаннисян. "Умолкли навсегда времен былых народы..."
О. Туманян. Ахтамар
А. Исаакян. Колокол воли

ИЗ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

Грузинская ода к Тамар

ЕГИПЕТ

ГИМН К РА, КОГДА ОН ВОСХОДИТ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ НЕБА (Гимн к солнцу)

Почитанье тебе и хвала,
Тебе, что пришел как Хепера, создатель Богов,
Чтобы в свет обратилась мгла,
В века из веков,
Меж тем как ладья
Восходящего Солнца плывет по морям Бытия.
Ты восходишь, сияешь, и свет твой течет,
Озаряешь бессмертную мать свою Нет,
Изначальную влажность, источник всего, что живет,
И мать твоя, руки вздымая свои,
Приветствует Бога в своем бытии.
Ману, вершина, куда на закат
Солнце уйдет, как лучи догорят,
Тебя принимая, светла.
И богиня Маат,
Что в делах Мирозданья была,
Обнимает тебя по зарям,
По зарям, по утрам-вечерам.
Да дозволит блистательный Ра, чтобы взор
Весь увидел вселенский убор,
Чтоб двойник как живая душа
Увидал Геру-кхути, двойной кругозор,
Чтобы, вольно дыша,
Он увидел весь свет,
Ману, Запад-гору и гору-Бакхатэт,
Весь простор мировой, что так в зорях широк,
Самый крайний Закат, самый крайний Восток.
Придите, и Ра да восхвалим, Владыку небесных
пространств,
Он Вождь, он Здоровье, он Сила, он Жизнь в
огнеблеске убранств.
И те, что живут на высотах, и те, что
в глубинах низин,
Тебя почитают, Лучистый, просторов и дней Властелин.
Бог Тот, что есть Слово и Мудрость, с супругой
своею Маат,
На каждый твой день начертали твой путь меж
воздушных громад.
Твой недруг в огонь был низринут, Сэбау,
злокозненный змей.
Срубив ему ноги, ты руки втеснил в узловатость цепей.
Исчадья бессильного бунта не встанут уже никогда.
Храм Солнца, храм в Городе Солнца, поет, -
и пылает Вода.
Все Боги ликуют, увидев, что встал и возносится Ра,
Что блеском объята все реки, долина, равнина, гора.
Величество Бога Святого идет и уходит вперед,
До самой вершинности Ману лучистый свой путь доведет.
Да славится, светлый в рожденьи и светлый в
закатности, Ра,
Всегда он победно доходит до места, где был он вчера.
Будь в мире со мной,
Властитель, не кинь меня в сумрачном зле,
Дай сполна мне упиться твоей красотой,

Да свершаю свой путь на Земле,
Да сразу я того, кто весь мир обратил бы в вертеп,
Змеедемон Сэбву да будет сражен,
Да падет с темной свитою он,
А в свой час - и зловещий Апеп,
Змей, чей вид - воплощенный уклон.
В надлежащее время да вижу священную рыбу, Абту,
И священная рыбина Ант да ведет меня в тихий затон,
Эти две, что на склонах, ладьи отразили свою красоту.
Да увижу, что Горус в ладье - рулевой,
И что Тот и Маат - близко, вместе со мной.
Прикоснуться к вечернему дай челноку,
И дозвожь моему двойнику
Видеть Солнце и Лунного Бога, всегда, каждый день,
без конца,
И дозвожь, чтоб душе было можно блуждать,
Не отвращая лица
Ни от какой стороны, и чтоб имя мое как печать
Закрепилось в таблице деяний моих,
Меж стихов звучный стих,
Да войду я в ладью лучезарного Солнца, струящего свет,
В день, как Бог в путь пойдет,
Да приду в свой черед
Пред лицо Озириса, в страну светлоликих побед.

ИЗ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ЛИРИКИ

ЛЮБОВЬ

Твоя любовь в меня вошла,
Как липкий мед.
Твоя любовь светла, тепла
Во мне плывет.
Твоя любовь - как запах смол,
Как фимиам.
Горячий, ты в меня вошел,
И сладко нам.
И я себя с тобой слила,
Я мыслю вслух,
Как благовонная смола,
Как пряный дух.
К сестре ты ждущей поспешил
Для сладких нег,
Как конь, что пыль дорогой взвил,
Ускорив бег.
Как конь бежит, бежит, исчез,
Исполнил круг,
Любовь, велением Небес,
Приходит вдруг.
Так искра, вспыхнув, сразу жжет
Соломы пук. -
Так ястреб падает с высот
И губит вдруг.

ЧАС НАСТУПИЛ

1

Едва она руки разнимет,
Едва она друга обнимет,

Как будто в Арабии я,
Плывет благовоний струя.

2

Ее поцелую,
Мне губы протянет она, -
И весь я ликую,
И пьян без вина.

3

Час наступил приготовить постель,
Тонким ее устели полотном.
Сладкий любовный вкусим мы хмель,
Сладко вдвоем.

* * *

Нежная, нежная в чарах любви.
Нежная, нежной ее назови.
Нежная в чарах любви меж мужчин,
Властная в чарах любви между жен.
Царская дочь, цвет весенних долин,
Ласка, любовь, осененность и сон.
Между красивых, красивой такой
Не было, нет и не будет другой.
Волосы черны, чернее, чем ночь,
Ягод чернее терновых кустов,
Светит очам белизною зубов,
Губы - как красная яшма плодов.
Царственно-светлая, царская дочь,
Груди ее - два венка,
Нежно-лилейна рука.
Между желанных желанной такой
Нет и не будет другой.

ГДЕ ГОРДЫЕ СТЕНЫ?

Что стало с местами, где гордые стены высоко стояли?
Их нет.
Тела исчезают, тела истлевают в глубокой печали,
Безгласен скелет.
Чем стали для взора, чем стали для духа бывшие святыни,
Чаш храм?
Упали, распались, лежат как обломки, разрушены ныне,
Сдались векам.
Никто не придет, и никто не узнает, и сам не расскажешь,
Что здесь.
Что было, то было, и что развязалось, того уж не свяжешь,
Хоть Мир - вот он весь.
Отдайся же сердцу. Пока это сердце лелеет желанья, -
Служи.
Люби умощенья и денные камни, люби одеянья
И днем - дорожи.
Придет и к тебе день иной, этот день, этот день разлученья
Со всем,
Когда не помогут тебе ни рыданья, ни скорбь, ни моленья,
И станешь ты нем.
Доверься же сердцу и слушай мгновенья, собери свои соты
У пчел.

Никто из живущих, кто, выйдя, вошел в роковые темноты,
Назад не пришел.

МЕКСИКА

ВОСКЛИКНОВЕНЬЯ БОГОВ И БОГИНЬ

ПЕСНЬ ВИЦТЛИПОХТЛИ

Я Вицтлипохтли, Боец.
Нет никого, как я,
Я исторгатель сердец.
Желтоцветна одежда моя,
Из перьев цвета Огня,
Ибо Солнце вошло чрез меня.

Я Вицтлипохтли, Боец.
Как колибри, пронзаю даль.
На мне изумрудный венец
Из перьев птицы Кветцаль,
Венец травяного Огня,
Ибо Солнце вошло чрез меня.

Человек из облачных стран
Кровавость узнал чрез Бойца,
Алость цветистых ран
На бледности хладной лица.
Отнял я ноги ему,
Человеку, что любит тьму.

Среди людей Тлаксотлан
Бросает он перья-пожар,
Бросает он зарево ран,
Боец, чей меток удар.
Войну Победитель людей
Несет меж порханий огней.

Бог людей Тлаксотлан
Страхом наполнил сердца,
Пыль встает, как туман
Крутится волей Бойца.
Крутится пыль столбом,
Дымом встает с огнем.

Наши враги Амантлан,
Собери их, собери их сюда,
Увидит их вражеский стан,
Как близок к ним враг и беда.
Собери их скорее, собери,
Свет увидят огнистей зари.

Наши враги Пипитлан,
Собери здесь скорее их всех,
Будет им праздник дан,
Радость бранных утех.
Собери их скорее, собери,
Свет увидят огнистей зари.

Нет никого, как я,
Я, Вицтлипохтли, Боец,
Желтоцветна одежда моя,
На мне изумрудный венец,
Цвет колибри, лесов и Огня,
Ибо Солнце вошло чрез меня.

ПЕСНЬ СО-ЩИТОМ-РОЖДЕННОГО
И ВЛАДЫЧИЦЫ ЗЕМНЫХ ЛЮДЕЙ

Со щитом он от девы рожден,
Вождь, чьи сильны полки,
Был выношен девою он,
Чьи удары - с левой руки.

Утренний храм мела,
Не знала, что будет с ней,
Не ведала, как зачала,
И стала Царицей людей.

С Неба, чей свод высок, -
Как луч из-за вышних скал, -
Из перьев блестящих клубок
В девичье лоно упал.

С копьем, со щитом был рожден
Боец, чьи движенья легки,
Был выношен девою он,
Кто так меток с левой руки.

На нее, Коатликуэ,
Устремился вражеский клич,
Но в огненной он змее
Обрел оскорбителям бич.

Четыреста Южных он
Низверг словно воды рек,
Встал за деву, кто девою рожден,
На горе Коуатепек.

Когда он раскрасил щит
И краски явил лица,
Был грозен цветистый вид,
Победительный вид Бойца.

И тешился в бранной игре
Кто за мать свою деву встал,
Врагов на Змеиной Горе
Как камни он всех разметал.

ПЕСНЬ ОБЛАЧНЫХ ЗМЕЙ
(Бог Севера, Бог Охоты)

Из Семи Пещер он возник,
Из Семи тайников теней.
Явил быстроглазый свой лик
В стране Колючих Стеблей.
Из Семи изошел он Пещер,
Чей глубинен туманный размер,
Из Семи изошел он Пещер.

Я сошел, я сошел,
У меня копьё с шипом.
Из стеблей колючих сплел
Я копьё с острием.
Я сошел, я сошел.

Я сошел, я сошел,

А со мною сеть,
Я ее искусно сплел,
Будет кто-то в сети млеть.
Я сошел, я сошел.

Я хватаю, я схватил,
Я хватаю, я беру.
Из Семи пришел Могил
И хватаюсь за игру.
Я хватаю, я схватил.

ПЕСНЬ БОГИНИ МАИСА

Богиня Семи Изумрудных Змей,
Богиня Семи Зернистых Стеблей,
Поднимись, пробудись скорей.
Ибо ты, наша мать, в свой уходишь дом,
В Тлалокан, где все скрыто дождем,
Возвращайся, мы ждем.

Воротись, Семизмейная, к радостям дней,
Пробудись, наша Мать Семи Стеблей,
Поднимись, пробудись скорей.
Ибо вот ты уходишь - пока прощай -
В Тлалокан, в свой родимый край,
Снова к нам, поспешай.

ПЕРУ

ВЛАДЫЧИЦА ВЛАГИ

О, Царевна,
Брат твой нежный
Твою урну
Проломил.
Потому-то
Так гремит он
В блеске молний
В высоте.
Ты ж, Царевна,
Ты уходишь
И из урны
Дождь струишь.
А порою
Град бросаешь,
Устремляешь
Белый снег.
Потому-то,
Зодчий Мира
Сохраняет
Жизнь тебе.
Потому-то,
Мир творящий,
Дух безмерный -
Жив в тебе.

ИЗ "АПУ ОЛЬЯНТАИ"

ТУЙЯ

На поле Царевны,
О, Туйя,
Есть строгости гневны,
О, Туйя.
Маиса златого,
О, Туйя,
Блюдут там сурово,
О, Туйя.
Колосья зернисты,
О, Туйя,
И зерна душисты,
О, Туйя.
Зовут спозаранка,
О, Туйя,
Но есть там приманка,
О, Туйя.
Маис утоляет,
О, Туйя,
Но клей прилепляет,
О, Туйя.
И ногти сломлю я,
О, Туйя,
Тебя ж изловлю я,
О, Туйя.
Чтоб быть не мятежным,
О, Туйя,
Поймавши, быть нежным,
О, Туйя.

Вон ястреб убитый,
О, Туйя,
Он к ветке прибитый,
О, Туйя.
Где перья зеницы,
О, Туйя?
Где сердце той птицы,
О, Туйя?
Он был четвертован,
О, Туйя,
Был здесь околдован,
О, Туйя.
Близ этого поля,
О, Туйя,
Для всех эта доля,
О, Туйя.

ДВЕ ПТИЧКИ

Вот две птички, дружны, нежны.
Отчего же так печальны?
Оттого что дали снежны,
Ветки мерзлы и хрустальны.
Так на ветке обнаженной
Неуютно, холодно им.
Он сказал тогда, влюбленный:
"Есть же области со зноем!
Полечу и отыщу я,
Подожди меня, подруга".
День и ночь ждала, тоскуя.
Ночь и день. Лишь воеет вьюга.
И подруга начинает
Песню ласки и печали:
"Где ты? кто об этом знает?
Может, реки? Может, дали?
Реки льдяные безмолвны,
Дали скрыты мглою вьюжной.
Где твой голос, неги полный?
Где твой зов - напев жемчужный?
Сорвалась, тоскует, ищет,
На шипы летит, не видя.
А свирепый ветер свищет
И рычит в глухой обиде.
"Где ты? сердце ужаснулось!"
Птичка тщетно вопрошает.
Вот споткнулась, пошатнулась,
Вот упала, умирает.

ХАЛДЕЯ

АККАДИЙСКОЕ ЗАКЛИНАНИЕ

Разночтение первое

Семеро, они рождаются там в горах Запада;
Семеро, они вырастают в горах Востока;
Они сидят на престолах в глубинах Земли;
Они наставляют свой голос греметь на высотах Земли;
Они раскинулись станом в безмерном пространстве
Небес и Земли;

Доброго имени нет у них в Небе, ни на Земле.
Семь, они поднимаются между Западных гор;
Семь, они ложатся в горах Востока, для сна.
Семеро их! Семеро их!
Семеро их в глубочайших тьмах Океана,
В сокрытых вертепах.
Они не мужчины, не женщины,
Они простираются, тянутся, подобно сетям.
Жен у них нет, и они не рожают детей;
Благоговенья не знают они, благотворенья не знают;
Молитв не слышат они, нет слуха у них к мольбам.
Гады, возникшие между гор,
Враги великого Эа,
На больших проезжих дорогах,
Препоной вставая, ложатся они на пути.
Враги! Враги!
Семеро их! Семеро их! Семеро их!
Дух Небес, ты закляви их!
Дух Земли, ты закляви их!
Они - день скорби, они - вредоносные ветры;
Они - злополучный день, истребительный вихрь,
который идет перед ним,
Они - порождение мщенья, чада, исчадия мести;
Они - глашатаи страшной Чумы;
Они - орудия гнева Нинкгал;
Они - пылающий смерч, который свирепо бесчинствует;
Они - семь Богов безъизмерного Неба;
Они - семь Богов безъизмерной Земли;
Они - семь Богов огненных областей;
Семь Богов, семь их число;
Они - семь зловредных Богов;
Они - семь гениев Ужаса;
Они - семь злых привидений Пламени;
Семь в Небе, семь на Земле;
Злой Демон, Злой Дух, Злой Алал, Злой Гигим,
Злой Тэлал, Злой Бог, Злой Маским.
Дух Небес, закляви их!
Дух Земли, закляви их!
Дух Ниндара, сын Небес огневых, закляви их!
Дух Сугус, владычицы стран, что ночью горят, закляви их!

АССИРИЯ

ПСАЛОМ АССИРИЙСКИХ ЦАРЕЙ

С жертвой стоящему,
Владыке Ассура,
Боги Ассирии
Да ниспошлют благосклонно,
Ему и народу его,
Великому царству Ассура,
Дела справедливости,
Радости сердца,
Реченья оракула.
Далекие дни,
Вечные годы,
Сильное оружие,
Долгую жизнь,
Многие дни почестей,
Господство над всеми царями,
Ниспошлите царю,
Дайте владыке,
Здесь ныне стоящему,
Пред своими богами.
Бог, ниспошли
Царству его
Жителей многих,
Увеличь, умножь их число.
Да окончит он жизнь хорошо,
Да правит царями,
Да владеет он царством народов,
Да достигнет преклонного возраста.
В свершение этих желаний,
Да воздвигнется холм серебра,
Да стоят высоко алтари,
Да будут навек благосклонны
К великому царству Ассура
Могучие боги Ассирии.

ИНДИЯ

ИЗ ВЕДИЙСКИХ ГИМНОВ

ИЗНАЧАЛЬНОСТЬ

В том изначальном не существовали
Ни Что-нибудь, ни темное Ничто.
Лазури светлой не было, ни кровли
Широко распростершихся Небес.
Что покрывало все? И где приют был?
Была ли там бездонность? Глубь Воды?
Там не было ни Смерти, ни Бессмертья,
Меж Днем и Ночью не было черты.
Единое одно, само собою,
Дышало без дыхания везде.
Все было Тьмой, все покрывал сначала
Глубокий мрак, был Океан без света.
Единая пустынность без границ.
Зародыш, сокровенностью объятый,
Из внутреннего пламени возник.
Любовь тогда первее всех восстала
В Сознании, из силы семенной.
В свои сердца глубоко заглянувшим,
Открылось мудрым, что в Небытии
Есть Бытия родство. И протянули
Они косую длинную межу.
Там был ли Низ? Там был ли Верх? Там были
Даятели семян, там были Силы.
Внизу самодержавность Бытия,
Вверху протяжность мощная Пространства.
Кто знает тайну? Кто ее поведал?
Откуда Мир, откуда он явился?
Тех далее и Богам не досягнуть,
Они пришли позднее. Кто же знает?
Откуда, как возник весь этот Мир?
Откуда же Вселенная явилась,
Мир создан был или он был не создан?
Об этом знает только Он, Всезрящий,
Все видящий с небесной высоты.
Иль, может быть, и Он того не знает?

ИРАН

ИЗ "ЗЕНД АВЕСТЫ"

АГУРАМАЗДА

Это я, Агурамазда, создал ночь я яркий свет,
Создал дружное течение вечно-огненных планет.

Тех светил одушевленных, чьи лучистые тела
Породила, оттенила довременной ночи мгла.

Это я рукою щедрой бросил в землю семена,
Повелел, чтоб их будила златокудрая весна.

В теле каждого растенья нежных жилок создал ткань,
Оживил одним дыханьем лес и травку, льва и лань.

И наполнил все созданья опьяняющим огнем,
Что блистает не сжигая, светит ночью, греет днем.

УТРЕННЯЯ И ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Добрые мысли, доброе слово, доброе дело – по воле Моей.
Злые мысли, злые слова, злые дела – не по воле Моей.
Добрые мысли, доброе слово, доброе дело – в Рай приведут.
Злые мысли, злые слова, злые дела – в Ад приведут.
Добрые мысли, доброе слово, доброе дело – радуги – в Рай.

СОБАКА

Собака нрав восьми существ имеет:
Воителя, жреца, и земледельца,
Бродячего певца, и вора, зверя,
Блудницы, и ребенка. Эти восемь
С собакою один имеют нрав.
Она вперед выходит – как воитель,
Сражается за стадо – как воитель,
Идет из дому первой – как воитель,
И в этом всем воитель есть она.
Она, как жрец, умеренна в питаньи,
Она, как жрец, скромна и терпелива,
Она, как жрец, куска лишь хлеба хочет,
И в этом всем собака есть как жрец.
Спит чутким сном она – как земледелец,
Идет из дому в ранний час – как он,
Хозяйство бережет – как земледелец,
Домой, как он, приходит в поздний час,
И в этом всем она есть земледелец.
Она капризна – как певец бродячий,
Она бранчлива – как певец бродячий,
И любит звуки – как певец бродячий,
Певец бродячий в этом всем она.
Как вор – собака любит тьму ночную,
Как вор – она готова объедаться,
Как вор – она добру плохой хранитель,
И в этом всем собака есть как вор.
Как зверь – она бродяжничает ночью,
Как зверь – она довольна черной тьмою,
Как зверь – она всегда напасть готова,

И в этом всем собака есть как зверь.
Кто близок к ней, тех ранит – как блудница,
По всем путям проходит – как блудница,
Причудлива и вздорна – как блудница,
И в этом всем блудница есть она.
Она нежна, дремотна – как ребенок,
Она всегда болтлива – как ребенок,
И роет лапой землю – как ребенок,
И в этом всем ребенок есть она.
Собака нрав восьми существ имеет,
Но сверх сего и нрав имеет свой,
А в этом с нею кто сравниться может?
Она само-одета и обута,
Внимательна, бессонна, острозуба,
На злых бросает мощь и тяжесть тела,
От злых добро и жизни охраняет,
И волк и вор находят в ней врага,
Она чутьем издалека их слышит,
Предупреждает их явленье лаем
И рвет в куски, и тает враг, как снег.
Собака создана Агурамаздой,
Агурамазда возлюбил хозяйство,
Им для хозяйства дан нам верный страж.
В глазах собаки – преданность и верность.

ОКЕАНИЯ

СОЛНЦЕ

Солнце есть женщина. Имя – Окэра.
Днем она светится. Бродит внизу.
Ходит, восходит. Свершается мера.
Тучи проводит. Сбирает грозу.

Вот нагулялась в полях распростертых.
Хочется спать ей. Уютно ли тут.
Солнце проходит чрез области мертвых.
Только приблизилась, тени растут.

Солнцу блестящему призраки рады,
Смотрят, толпятся, зовут погостить.
Только недолги ночные услады,
Утром ей нужно от них уходить.

Призраки Солнце из тьмы провожают.
Красного шкуру дают кенгуру.
Скучно им. Пасмурны. Сумрачно тают.
Солнце же красным встает поутру.

ЗВЕЗДЫ

Когда скончались племена,
Что были звери здесь и птицы,
Тогда ущербная Луна
Ждала совета от Зарницы.

Когда скончались племена,
Что были птицы здесь и звери,
Вмиг стала звездной вышина,
Чтоб в мире не было потери.

И вон – созвездие Орла,
И вон – созвездье зоркой Рыси,
Вся степь небесная светла,
Покрыты душами все выси.

А та звезда, чей яркий сон –
Меж малых звезд в узоре тесном,
То Ворон, Черный, это он,
Со свитой жен, в пути небесном.

ВОРОН

В незапамятное время
Старый путник, старый Ворон,
Сел над быстрою рекою,
Над текучею водой.
В час, когда он в мир родился
Из отливного агата,
На себя взглянув, он молвил:
"Да, я Сокол золотой".
И потом еще подумал:
"Нет, не так, я слишком черен.
Я – Орел, который мчится,

Ветер в воздухе струя".
И потом еще подумал:
"Нет, я слишком длиннокрылый".
На себя взглянул и молвил:
"Знаю, знаю, Ворон я".
Так, себя узнав, летал он,
И чернел в ветрах, и каркал,
И, когда блистало Солнце,
Он садился в высоте.
А когда спускалось Солнце,
Он с вершин срывался черных
И тонул среди ущелий,
В их глубинной черноте.
И увидев меж созданий
Недосозданных уродцев,
Им расправил члены клювом,
Каркнул, выпрямил узор.
А свершив свое, он умер.
И его похоронили,
Там блестящий черный камень
Можно видеть до сих пор.

МУРАМУРА

В первозданьи Мурамура
Создал много-много черных
Малых ящериц проворных.
Змейно-тонкая их шкура
По коре деревьев мерцала,
Как мерцает в наша дни,
Ими тешился не мало,
Ведь нарядные они.
Размышлял он, кто же будет
Между ними, но над ними,
Кто-нибудь из них, для них,
Коли нужно, так рассудит,
Коль веселье, легкий будет
В пляске быстрой править ими
Меж деревьев и трав густых.
Вот он выбрал, вот наметил
Между ящериц проворных
Быстрым взором быстро встретил,
Прикоснулся их лица,
Нос мелькнул, глаза и брови,
Щеки, в свете теплой крови,
Все довел он до конца.
Поперечно чуть касался
Указательным перстом,
Рот румяный засмеялся,
Зубы белые со ртом,
Улыбнулся, залукавил
И с ответного улыбкой
Этой ящерице гибкой
Мурамура стать велел.

ЧАС ЛЮБВИ

Выходи, дочь моя, чтоб тебя
Кто-нибудь,
Пав на грудь,
Ел, любя.

Коль теперь дать себя,
Ты вкусна,
Будет есть, ты на вкус так нежна.
Свежий мед
Будет есть, будет пить,
Обоймет,
Будет нить
И любить.
А себя
Не отдашь ты теперь,
Жить скорбя
Будешь тускло, - о, верь.
Выходи, дочь моя, чтоб тебя
Кто-нибудь,
Пав на грудь,
Сжал, любя.

* * *

Мертв мой владыка и друг,
Мой друг в дни голодные, в час темноты,
Мой друг в дни, когда все иссохло вокруг,
Мой друг в долгий час нищеты,
Мой друг в дождь и ветер, и в солнце, и в зной,
Мой друг в горней стуже, на злой вышине,
Мой друг в град бичующий, в вихрь круговой,
Мой друг в тишине,
Мой друг в переменах восьми морей.
Мой друг, мой угадчик. Беда мне, беда!
Мой друг отошел, друг всей жизни моей.
Уж он не придет, никогда.

ПОХОРОННАЯ ПЕСНЬ (Два голоса)

Нет для меня больше жизни, осталось лишь зло.
Солнце, чей свет согревал меня, Солнце зашло.
Месяц, который светил мне, ушел в темноту,
Звезда, что вела, отошла, умерла на лету.
Все потерял я, отныне нет счастья дней,
Нет больше радости сердца, улыбки моей.
Тот, кем был жив весь народ наш, ушел навсегда.
Что с нами будет! Нет жизни. Лишь смотрит беда.
Я - схороненный отныне в глубокой ночи,
Горечь - мне Море, в ней все потонули лучи.
Я погружаюсь в пучину, бессильно весло,
Солнце, что грело и пело мне, Солнце зашло.

ИЗ МАЛАЙСКИХ ЗАГОВОРОВ

ЗАГОВОР О СТРЕЛЕ

Я спускаю стрелу, закатилась Луна,
Я спускаю стрелу, чаша Солнца темна,
Я спускаю стрелу, звезды дымно горят,
Задрожали, глядят, меж собой говорят.
Я не звезды стрелой поразил, поразил,
И не Солнце с Луной я стрелою пронзил,
Все в цветок мои стрелы вонзились, горят,
Я сердечный цветок поразил через взгляд.

Я стрелу за стрелю до сердца продлю,
Выходи же, душа той, кого я люблю,
Приходи и приляг на подушку мою,
Я стрелю, душа, я стрелой достаю.

ЗАГОВОР ЛЮБОВНЫЙ

Черная Ягода - имя твое,
Птица Багряная - имя мое.
"Майя!" пропел я. Внемли,
Мысли ко мне все пошли.
Мною пребудь зажжена.
Любишь и будь влюблена.
Будь как потеряна ночью и днем.
Будь вся затеряна в сердце моем.
Днем семикратно смутись,
В ночь семикратно проснись.
Быстро домой воротись.
Я говорю: "Ты - моя!"
В Месяц ли глянь - это я.

ЗАГОВОР ДЛЯ ПАМЯТИ

Я принес тебе вкрадчивый лист,
Я принес тебе пряный бетель.
Положи его в рот, насладись.
Полюбив меня, помни меня.
Солнце встанет ли, помни меня,
Солнце ляжет ли, помни меня,
Как ты помнишь отца или мать,
Как ты помнишь родимый свой дом,
Помнишь двери и лестницу в нем,
Днем ли, ночью ли, помни меня.
Если гром загремел, вспомяни,
Если ветер свистит, вспомяни,
Если в небе сверкают огни,
Вспомяни, вспомяни, вспомяни.
Если звонко петух пропоет,
Если слышишь, как время идет,
Если час убегает за час,
И бежит и ведет свой рассказ,
Если Солнце идет за Луной,
Будь всей памятью вместе со мной.
Стук, стук, стук. Это я прихожу.
Стук, стук, стук. Я в окошко гляжу.
Слышишь сердце? В нем столько огня.
Душу чувствуешь? Помни меня!

ЭЛЛАДА

ИЗ ОРФИЧЕСКИХ ГИМНОВ

ГИМН К НОЧИ

Воскурение светильников

Ночь, жизнь нам даровавшая Богиня,
Целительный родник успокоенья,
Богов первоисточник и людей;
Внемли, благословенная Киприда,
Одетая сияньем многозвездным,
В молчаньи Сна эбеновая Ночь.
Мечты и сны - в твоей туманной свите,
И длишь ты мрак, напев рождая пирный,
Рассеиваешь скучную заботу,
Веселья друг, на вороных конях
Вокруг Земли ты шествие свершаешь.
Богиня привидений и теней,
День делишь усыпительною властью
И, выполняя приговор Судьбы,
В глубокий Ад, от зренья смертных дальний,
В Ад глубочайший посылаешь свет;
Необходимость Мира признавая,
Куешь для Мира строй алмазных уз.
Склони, Богиня, слух к словам молений,
Желанная для всех, у всех в почете,
Благослови, и страхи разгони
Грозящей тени сумрака немого.

ГИМН К ЗВЕЗДАМ

Воскурение ароматов

Мой тихий зов - к вам, Звезды, сонм верховный,
Святые светы, демоны Небес,
Небесное потомство темной Ночи,
В вертящихся кругах ваш свет лучится,
Бессмертные огни небесной выси,
Источники всего, что здесь внизу.
Судьба вложила в вас значение ваше,
И людям вы простерли светлый путь.
В семи блестящих поясах сияет
Блуждающий ваш свет, Земля и Небо
Вам образуют искристый ваш свод.
Нетленно, негасимо, нерушимо
Сквозь ткани Ночи светит сноп лучей.
Привет вам, вечно-бдительные светы.
Пошлите мне содружественность блесков,
Сознательными ясными лучами
На таинства излейте благодать.

ГИМН К ЗЕМЛЕ

Воскурение всякого рода семян, исключая бобов и ароматов

О, мать Земля, родник Богов и смертных,
Обильная, всегубящая сила,
Ты разрушаешь в миг, когда творишь;
Родительница всех, ты расцвечаешь

Цветы меж изумрудов и плоды.
Великая, упор миров бессмертных,
Венчанная безмерностью отрад;
Из чрева у тебя, как бы от корня,
Который без конца, многообразно
Растут плоды, побеги, крепнут в соке.
О, ты широкогрудая, с лугами,
Где зелен пышно-веющий убор,
Как нежен дух твой свежий за дождями.
Всецветный Демон, средоточье Мира,
Вокруг тебя несутся брызги Звезд,
Как кинуты, прекрасные, так вечно
И мчатся в дивно-яростном круженьи,
И несравненна мудрость их и блеск.
Внемли, благословенная Богиня,
Умножь везде душистые плоды,
И с красочною свитой Смен Года
Молящего тебя благослови.

ГИМН К ЛЮБВИ Воскурение ароматов

Великая Любовь, тебя зову я,
Источник самых нежных наслаждений,
Ты, чистая, манящая наш взор;
Стремительный, стрелоподобный Гений,
Порывно-неудержное желанье,
Богами ты и смертными играешь,
Ты шутишь, ты блуждающий Огонь,
Двойной, проворный, ты звенишь ключами
Земли и Неба, Воздуха и Вод,
Ключарь воздушный, Морем ты владеешь;
Тебе - поля обильные Цереры,
Все то, в чем жизнь и без чего нет жизни,
Все то, что мрачный Тартар скрыл в себе,
Вся глубь, вся широта, вся бесконечность,
Тебе - все многоликости Природы,
Один, во всем, всемирно правишь ты.
Приди, взгляни на таинства, будь наш
И отврати безумные желанья.

СКАНДИНАВИЯ

ИЗ "ЭДДЫ"

РЕЧИ ВЫСОКОГО

1

Другом для друга мужчина быть долженствует,
Другом его и его друзей.
Другом для друга недруга быть да не смеет
Никто понимающий дружбу друзей.

3

Не только великое нужно давать человеку,
Можно нередко малым снискать нам хвалу.
Половиною хлеба, вполовину уж выпитым кубком
Друга себе я нашел.

4

Головня головнею живится, огонь огнем,
Пламя играет от пламени.
Мужчина от речи становится более мудрым,
От молчанья тупеет надменного.

5

Огонь наилучшее есть между детей человека,
И солнечный лик,
И здоровье телесное, раз человеку возможно
Без бесчестия жить.

7

Лучше живому, чем мертвому, в мире,
Он еще может иметь стада.
В доме богатого видел огонь в очаге я,
Сам же он мертвый пред дверью лежал.

8

Умирают стада, умирают друзья,
Умирает и сам человек.
Не умирает, не ведает смерти одна лишь
Добрая слава людей.

9

Умирают стада, умирают друзья,
Умирает и сам человек.
Я знаю одно, что не ведает смерти: -
Приговор над любым, кто мертвец.

СОВЕТЫ БРЮНХИЛЬД

Совет мой первый,
Всегда с друзьями
Будь безупречен,
Мстить не спеши.

Благоугодно
Для мертвых так.

Совет второй мой,
Будь верен в клятве,
Раз давши слово,
Не отступай.
Клятвопреступник
Гоним как волк.

Совет мой третий,
В собраньи людном
С глупцом беседу
Не заводи.
Он сам не знает,
Что говорит.

Совет четвертый,
Коль на дороге
Колдунью встретишь,
Не медли с ней.
Не будь ей гостем
Хоть ночь близка.

Сыны людские
Должны быть зорки.
Когда на битву
Они идут.
Связуют ведьмы
И меч и ум.

Совет мой пятый,
Коли увидишь
Невест красивых,
Не торопись.
Не кличь у женщин
Их поцелуй.

Совет шестой мой,
Коль в опьянении
Возникнут брани,
В бой не вступай.
Коль воин - пьяный,
Он без ума.

Седьмой совет мой,
Коль в спор вступил ты
С бойцом достойным,
С ним в бой ступа.
Не будь в пожаре,
Но будь в бою.

Восьмой совет мой,
Не лги, не путай,
Уловкой - хотя
Не пробуждай.
Дев не баюкай,
Жен не безумь.

Совет девятый,
Коль на дороге
Ты встретишь мертвых,
Ты их почти,
Их обрядивши,

Похорони.

Совет десятый,
Не верь обетам
Того, кто близок
К твоим врагам.
Отец обижен,
Сын будет волк.

Совет последний,
Следи за другом,
Случиться может,
И брат предаст.
Жди быстрой смерти,
Беда грозит.

СЛОВО О РУНАХ

Напиток хмельный
Тебе несу я,
О, победитель,
И песен звук.
Благие чары
Счастливых рун.

Ища победы,
Ты рун победных
Слова напишешь
Вдоль по клинку,
И рукоятку
Украшь меча.

Постигни руны
Живого хмеля,
На кубке рога
Их вырежь ты.
Чтоб был без яда
Пьянящий мед.

Постигни руны,
В которых помощь
Для женщин, с болью
Дающих жизнь.
Изобрази их
Внутри руки.

Постигни руны,
В которых буря,
Коль берегаешь
Ты корабли.
Те руны выжги
Ты на руле.

Постигни руны
Целебных веток,
Коль хочешь раны
Ты излечить.
Отметь те ветки,
Чей лик - к заре.

Постигни руны
Суда благого,
Избегнешь мести,

Сбери их все.
И там, где судят,
Их мудро спрячь.

Постигни руны,
В которых разум,
Коль хочешь зорко
Ты разуместь.
Их первый Один
Изобразил.

Он зачерпнул их
В реке текущей
Из тех истоков,
Где первый Мир.
На горной выси
Он их узнал.

Тот голос Мира
В первоистоке,
Промолвив руны,
Запечатлел.
Щит бога Света
Таит их род.

Конь Солнца ухом,
Другой копытом,
Те взяли знаки,
И колесом.
Конь Солнца носит
Их на зубах.

Хранятся руны
В медвежьем когте,
У бога песни
Они во рту.
На лапах волчьих,
В когтях орла.

На крыльях руны
Окровавленных,
Хранит их - радуг
Внесенный мост,
Рука таит их,
Что лечит боль.

Они на злате,
На талисманах,
На гордом троне,
На хрустале.
В пьянящих зельях,
В живом вине.

Лелеет Один
Их начертанья
В копье летящем,
На острие.
И ноготь Норны
И клюв совы.

Священным медом
Они облиты,
Во власти Духов,
В руках Босов.

Доходят руны
К сынам Земли,

Постигни руны
Ума и власти,
Живого хмеля,
И дел благих.
Умей быть вещим
Или молчи.

ПЕСНЬ ГАРАЛЬДА СМЕЛОГО (Норвежская баллада)

Вокруг Сицилийских я плыл берегов,
Оружие наше блистало.
Мой черный дракон, преисполнен бойцов,
Стремил достающее жало.
Валы рассекая средь ночи и дня,
Все взять я хотел своенравно.
Но Русская дева отвергла меня.

Я бился в Дронтгейме с рядами врагов,
И гуще их были дружины.
На каждый удар был ответный готов,
Меня не сразил ни единый.
Был конунг сражен мной. Бегущих гоня,
Служил мне клинок мой исправно.
Но Русская дева отвергла меня.

Белела вослед корабля полоса,
Нас было шестнадцать, и буря
Раздула, ветрами налив, паруса,
Чело тученосное хмуря.
И буря на бурю – на битву сменя,
Победу я брал полноправно.
Но Русская дева отвергла меня.

И все в удальствах мне охота пришла
До крайнего вызнать изгиба,
Не выбьет горячий скакун из седла,
Я плаваю в море, как рыба.
Когда – на коньках, я быстрее огня,
Весло и копье мое славно.
Но Русская дева отвергла меня.

И каждая дева с любовью вдовой
Узнали, и это пропето,
Что всюду на юге встречаю я бой
При пламенах первых рассвета.
Зовет меня Море, за край свой маня,
И даль мне шумит многотравно.
Но Русская дева отвергла меня.

Я горец, рожден меж обветренных скал,
На луках там звучны тетивы.
Стрелю я цель не напрасно искал,
Корабль мой – набег торопливый.
О камень подводный дракон мой, стена,
Заденет – и вынырнет плавно.
Но Русская дева отвергла меня.

БРЕТАНЬ

ПРОРОЧЕСТВО ГВЕНКТЛАНА

1

Если Солнце заходит, если Море грозней,
Я пою на пороге перед дверью моей.
В оны дни пел я звонко, пел всю юность мою,
Дни прошли, вот и старость, я пою и пою.
Я пою днем и ночью, для меня нет – доколь,
И, однако, я горе, и, однако, я боль.
Коль главой поникаю, коль страдание я,
Есть на это причина, то не прихоть моя.
Тут не то, чтобы страх был, раз убьют, суждено,
Тут не то, чтобы страх был, жить мне было дано.
Раз меня ты не ищешь, ты меня обретешь,
А когда меня ищешь, ты меня не найдешь.
Что случится, – неважно. Рок сужден, – он с тобой.
Умереть нужно трижды, лишь за этим – покой.

2

Вот я вижу, из леса выступает кабан,
Он хромает, он ранен, у него много ран.
Кровью глотка зияет, а щетина седа,
Вкруг него кабанята, голод – малых страда.
Вот я вижу, навстречу конь выходит морской,
В страхе берег трепещет, волны плещут "На бой!"
Бел и он, белоснежен, а челом сребролит,
Молнегромные ноздри, вал под белым кипит.
Встали кони морские, – пруд с травой, рой густой.
– Конь морской! Крепче, крепче! Бей его! Смело в бой!
Кровь. Нога поскользнулась. Бей сильнее, сильней!
Прямо в голову! Крепче! Кровь ручьем! Бей же! Бей!
До колен кровь доходит! Дли, в багряном, игру!
Бей сильней! Бей сильнее! Отдохнешь поутру!
Конь морской, бей сильнее! Бей сильней! Бей сильней!
Прямо в голову! Крепче! Бей еще! Бей! О! Бей!

3

Я тихонько в могиле спал и спал, мгла росла,
Вдруг в безмолвии ночи я услышал Орла.
Всех орлят созывал он, всех, кто быстр в небесах,
Говорил: Поднимайтесь на своих двух крылах!
Не для мяса гнилого псов, овец, стройтесь в ряд,
Христианского тела наши клювы хотят.
– Ворон моря, поведай, у тебя что в когтях?
– Голова полководца, в красных врось глазах.
У него вырывал я глаза потому,
Что твой он исторгнул, погрузив тебя в тьму.
– Ты, лисица, ответствуй, что там держишь, скажи?
– Я держу его сердце, – как мое, сердце лжи.
Потому это сердце я держу, что оно
Смерть твою поманило и ты умер давно.
– Ты мне, жаба, промолви, ты во рту у него
Почему притаилась? – Поджидаю его.
Как душа его будет проходить, тут в меня
И войдет, и замкнется до последнего дня.
То – возмездье за злое, что над Бардом свершил,
Он меж Рок'х и Порзгвеном не живет, там, где жил.

ИЗ БРЕТОНСКИХ ЛЕГЕНД

АРТУР НА БРАНИ

Идем, идем, идем, идем, идем, идем на бой!
Идем, идем, отец и брат, я рад, идем с тобой!
Идем, в ком струны говорят, идем, идем гурьбой!

Отец о ранней встал поре,
Сын возвещает на заре:
Смотри, там кони на горе.

На серых всадники конях,
У лошадей огонь в ноздрях,
Храпят, и ржут, и сеют страх.

Рядами, шесть и шесть, они,
Рядами, три и три, взгляни,
Их копыта - тысяча - огни.

Ряды стеснились, два и два,
И как под бурей трава -
Знамена их, где Смерть жива.

Размер змеи, что, трепеща,
Стремится, жартв себе ища,
Девятикратная праща.

Артур с своими - та змея,
Его бойцы - одна семья,
Артур на высях, знаю я.

- Когда Артур, тогда вперед!
Где лук? Где стрелы? Час не ждет.
За ним и вместе с ним в поход! -

И говорить не кончил он,
Как крик, меж веяний знамен,
К горе отбросил горный склон:

"За руку - голову! За глаз -
Пронзенье сердца! Ранят нас, -
За рану - смерть, и смерть - сейчас!

Отца - за мать, и мать - за дочь!
За слезы - кровь! За вечер - ночь!
За труп - пожар! Вся жалость - прочь!

За мать - немедленно отца!
За кобылицу - жеребца!
За воина - вождя-бойца!

За одного - двоих, троих!
Рубить, и днем, и ночью их!
Чтоб кровь текла в ручьях густых!

Бретонцы, бурей мы пройдем
И, раз сражаясь, падем,
Не слишком рано мы умрем!"

СОЛОВЕЙ

- Скажите, юная супруга,
Зачем в ночи встаете вы?
Ища полночного досуга,
Куда в ночи идете вы?

Вставая тайно, от постели
И от меня, к какой вы цели
Так удаляетесь тайком,
Ступая тихо босиком?

- Коль я встаю, супруг любезный,
И от постели ухожу,
Так это за морскою бездной,
За кораблями я слежу.

- О, верно не за кораблями,
Не за ночными парусами
Следите вы, идя к окну,
И не глядите на Луну.

За чем, вставая, от постели,
Следите ночью вы, madame?
- Гляжу, как в тихой колыбели,
Ребенок мой уснул, вон там.

- Не на ребенка вы глядите,
Не за ребенком вы следите,
Не нужно этих сказок мне:
Что привлекает вас в окне?

- Ах, старичок мой, не сердчайте,
Уж я скажу всю правду вам:
Там соловей есть, примечайте,
Там соловей есть по ночам.

Как только море затихает,
Там соловей мне распекает,
Не улетит от розы прочь,
Во всю-то ночь, во всю-то ночь. -

Когда сеньор услышал это,
В своем он сердце так сказал,
Когда сеньор услышал это,
В своем он сердце приказал:

- Уж это верно иль неверно,
Наказан будет он примерно,
Он будет пойман, соловей. -
И утром в сад идет скорей.

- Садовник, вот что сделать надо.
Тут соловей один живет,
Он тут, он где-то, где ограда,
Поет все ночи напролет.

Он лишь поет да распекает,
Он по ночам мне спать мешает;
Коль будет пойман он тобой,
Получишь тотчас золотой. -

Садовник понял повеленье,
В саду поставил он силок,
И соловей, без промедленья,

Неверный совершил прыжок.

Сеньор схватил его, хохочет,
И умерщвление в сердце точит,
Певцу он петлю затянул,
И на колени ей швырнул.

- Для вас его поймал, супруга,
Какой прелестный соловей!
Держите ласкового друга,
Храните на груди своей. -

- Увы! - сказала сердце милой.
- Увы! - сказал другой, унылый. -
Уж больше, как блеснет Луна,
Нам не видаться у окна.

ИЗ ИСПАНСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

I

SOLEARES

1

Слово песни - капля меда,
Что пролился через край
Переполненного сердца.

2

Я иду вперед, как пленник,
Тень моя идет за мною,
Предо мною - мысль моя.

3

Да, твоя любовь - как ветер,
А моя любовь - как камень,
Что недвижим навсегда.

4

Ты себя со мной сравнила!
Ты - из всех металлов слиток!
Я - беспримесный металл.

5

Как же ты безумна, крошка!
Ты - как колокол, в который
Каждый может позвонить.

6

Вот несчастье, так несчастье:
Вижу смех - я должен плакать,
Вижу слезы - веселюсь.

7

Снилось мне, что я на небе,
На твоей груди проснулся, -
Сон меня не обманул.

8

Подожди еще, останься, -
Каждый раз, как ты уходишь,
Это жизнь уходит прочь!

9

Как мне быть с тобой, не знаю, -
Ты - как Кадикс за стеною:
Подступить не могу!

10

Я по власти выше бога, -
Он простить тебе не может

То, что я тебе простил.

11

Я ее увидел мертвой,
Я нашел ее прекрасной -
И закрыл ее лицо.

12

От тоски я умираю, -
Ты живешь еще на свете,
Ты, умерший для меня!

II СОПЛАС

2

Вечно кажется влюбленным,
Вечно кажется - хоть брось! -
Что не видят их, - меж тем как
Всякий видит их насквозь.

3

Я утес гранитный,
Я суровый камень,
Я для всех - как бронза,
Для тебя - как воск.

4

Мать, что тебя породила,
Ранняя роза была,
Она лепесток обронила,
Когда тебя родила.

5

Белки твоих глаз
С их синими жилками
Похожи на небо,
Покрытое облаком.

6

Два зеркала - твои глаза.
Я в них смотрюсь. Пстой.
Не закрывай их, жизнь моя,
Не закрывай! Открой!

7

Ресницы глаз твоих
Черны, как мавританки.
Среди ресниц твоих
Мерцают две звезды.

8

Звезд на небе, звезд на небе -

Тысяча и семь,
А твои считая очи,
Тысяча и девять.

9

Твой рот, моя малютка, -
Закрывшийся цветок.
О, если б поцелуем
Его раскрыть я мог!

10

Ты красивее, чем солнце,
Ты белей, чем снег в пустыне,
Ты нежней, чем роза в цвете
И чем лилия в саду.

13

По морям глубоким проплывал я,
Потерял свой путь среди морей,
И нашел испанскую я гавань,
Увидавши свет твоих очей.

14

Когда б под ключом я
С тобой очутился,
И слесарь бы умер,
И ключ бы сломился!

15

Если б я родился василиском,
Я тебя бы взором умертвил,
Чтоб тебя совсем отнять у мира,
Чтоб тебя никто в нем не любил.

16

Если в ад пойдешь ты,
Я пойду с тобой,
Если ты со мною -
Всюду рай со мной.

17

Сердце мое и твое
Между собой совещались;
Было у них решено,
Что жить им в разлуке нельзя.

18

Люблю невозможность,
Как все, кто разумен.
Возможности любит
Один лишь глупец.

20

Первая любовь -
Вплоть до самой смерти.

Все любви другие -
Вспыхнут я умрут.

21

Под грудю пепла
Огонь сохранится.
Чем больше разлука,
Тем тверже любовь.

22

Счастье мира проходит,
Время и жизнь исчезают.
То, что всегда остается,
Это - любовь.

23

Кто-нибудь нас слышит? - Нет.
Поболтаем, хочешь? - Да.
У тебя есть милый? - Нет.
Хочешь, я им буду? - Да.

III SEGUIDILLAS

1

Не хочу, чтоб ты ушел,
Не хочу, чтоб ты остался,
Ни чтоб ты меня оставил,
Ни чтоб ты меня увлек.
Одного хочу я только...
Я всего хочу - и, значит,
Не хочу я ничего.

2

Женщины - как тени:
К ним идешь - уходят,
Ты от них стремишься -
Гонятся вослед.
Я их постигаю:
Раз подходят - жду,
Раз уходят - пусть их.

3

Как хрусталь - влечение сердца,
Как бокал - любовь людская.
Чуть его толкнешь неловко -
Разобьется на куски.
И уж так всегда бывает:
Чем нежнее, тем скорее
Разобьется навсегда.

4

Чуть глаза твои увидел,
Я своим глазам промолвил:
"Осторожней: перед нами -

Беспощадные враги!"
И душа мне отвечала:
"Уж открыли перестрелку
Аванпосты, - посмотри!"

5

В понедельник я влюбляюсь,
А во вторник признаюсь
И взаимность получаю
В среду - так же, как в четверг,
А на пятницу ревнуют,
А в субботу, в воскресенье
Новой страсти я ищу.

7

Женщины - как книги,
Думаешь: "Вот новость,
Дай-ка я куплю".
Развернешь, согласишься -
Читано давно уж.
Сколько переделок
Заново идет!

8

Ты глядишь и молчишь,
Дни идут и проходят,
Я гляжу и молчу.
Двести лет так продлится:
Друг на друга смотря,
Мы с тобой не заметим,
Что приблизилась смерть.

9

У тебя глаза, не очи,
У тебя не взоры - стрелы,
Только взглянешь - я мертва.
Так гляди же больше, больше,
Пусть, с тобой встречаясь взором,
Каждый миг я умираю,
Пусть от счастья я умру.

10

С тех пор как ушла ты,
О солнце всех солнц,
И птицы умолкли,
И смолкли ручьи.
О милое счастье!
И птицы умолкли,
И смолкли ручьи.

ПОЛЬСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗАНИЯ

ЗЕРКАЛО ТВАРДОВСКОГО

В Венгрии, в старом костеле приходском,
В ризнице плоское зеркало есть
Из металла блистательно-белого.
Зеркало это - высокое,
Зеркало кругло-широкое,
С малым уклоном от круга - в длину,
Граненое все по краям,
В старосветской широкой и черной оправе,
Прозрачное, словно затон.
Ни пятна, - лишь внизу вкось прошедшая трещина.
Юноши в зеркале этом видали
Множество ликов, - манили одни,
Но в недоступную глубь уходили,
Пугали другие, страшили другие.
И словно из раны они выступали,
И словно как змеи срывались вниз.
И юноши в страхе бросали камнями,
Но зеркалу камень не мог повредить.
Один догадался - и связкою бросил
Церковных ключей, -
И трещина вкось побежала узором,
Который для призраков был как замок.
Тем зеркалом, много в себе затаившим,
Когда-то владел чернокнижник Твардовский.
На раме доселе виднеется надпись:
"Twardovius Magicus" {*} - что-то еще,
{* Твардовский - маг (лат.).}
Но буквы неполны, от времени стерлись.
Высоко то зеркало там - над дверями,
Дабы не страшило глядящих в него.
Когда облачаются ксендзы для мессы,
Нельзя им глядеть в это зеркало, ибо
Там Дьявол всегда сторожит.

ТВАРДОВСКИЙ

Твардовский добрый шляхтич был - с обоих
Концов семьи: кудели и меча.
Хотел умом сильнее быть, чем люди,
И снадобье хотел найти от смерти,
Затем что умирать он не хотел.
Начетчик, в старых книгах прочитал он,
Как можно вызвать Дьявола, - и в полночь
Под Краковом вступил с ним в договор,
Где выставил, в числе других, условие,
Что до тех пор ни к телу, ни к душе
Не может сила ада подступиться,
Пока не будет в Риме схвачен он.
Засим - услуги Дьявола. Без счета.
Все серебро, какое было в Польше,
Он в место снес одно, песком засыпал, -
Отсюда - Олькуш с славным рудником.
Чего бы только ни хотел Твардовский,
Он все имел, - лишь вымолви желанье.
Нарисовав коня - на нем скакал;
Летал без крыл по воздуху высоко;
По водам Вислы с милой плавал - против

Теченья, без весла и без ветрил;
 По прихоти своей капризной воли
 На груды гор он горы громоздил;
 И в ночь одну выкапывал озера;
 Когда хотел жениться, тайну панны
 От пчелки златокрылой он узнал;
 Смеялся над людьми, порой - лечил их,
 Дурачил их, предназначал по воле -
 Того женить, а этих - разженить.
 О золоте и говорить не нужно:
 Оно с ним было - как с волной песок.
 Однажды, без приборов чернокнижных,
 Зашел в глухой он бор - и думал там.
 Задумался глубоко он. Вдруг - Дьявол.
 Предстал, глядит, и глухо молвил: "В Рим!"
 Разгневанный, заклил его Твардовский.
 Злой дух от чернокнижника бежал,
 Зубами скрежеща в бессильной злобе.
 Но, убегая, вырвал он сосну,
 В Твардовского с размаху ей швырнул он -
 И был с минуты той Твардовский хром.
 Притом, как чернокнижник не был счастлив
 От всех причуд, которые исчерпал,
 Так Дьявола возможно ль усыпить
 Какой-то причиненной хромотою!
 К Твардовскому приходит дворянин
 И молит: "Дай лекарства. Пан вельможный
 Внезапно занемог. Приди - спаси,
 Ведь ты - один". Твардовский - в Сандомирском,
 В корчме, где слег и ждет вельможный пан.
 Чуть только перешел порог Твардовский -
 На крышу сели вороны кругом,
 Закаркали. И понял чернокнижник,
 Что тут случилось что-то вне расчета.
 Он быстро к колыбели подошел,
 Где был ребенок, только что крещенный,
 И на руки берет его. А Дьявол
 Уж тут как тут, и говорит: "Ты - мой".
 - "Я твой?" - "Мы - в Риме". - "Это что за бредни?"
 - "Корчма, в которой ты, зовется: Рим".
 Подъяты когти Дьявола. Но сила
 Ребенка, освященного крещеньем,
 Ему - стена. Чрез стену ходят мыши.
 Он говорит: "Послушай, ты ведь шляхтич.
 Так, значит, знаешь: *verbum nobile*
 И *stabile*, конечно, *debet esse*" {*}.
 {* Слово благородного должно быть непреложным (лат.).}
 Твардовский, видя, что никак нельзя
 Шляхетское нарушить обещанье,
 Ребенка в колыбель вернул. А сам
 С товарищем через камин промчался.
 Воронье стадо грянуло приветом.
 Летят, летят - все выше над землей.
 Твардовский смотрит вниз - и видит Краков.
 От боли сердце сжалось у него:
 Все, что любил, он там, внизу, оставил.
 В нем встали чувства лет первоначальных -
 И детскую молитву он запел, -
 Свой стих, что спел когда-то в честь Марии.
 Чуть кончил песнь, он видит, изумленный,
 Что в воздухе недвижно он висит.
 Взглянул - его товарищ странствий скрылся,
 Лишь мощный голос слышит над собой:
 "Повисши так, до дня Суда здесь будешь".

И вот, когда заходит полный месяц,
На нем нам видно черное пятно:
Твардовский во плоти, который будет
Там в воздухе висеть до дня Суда.

ВЕЧНАЯ ЮНОСТЬ ТВАРДОВСКОГО

Всю жизнь свою придумывал Твардовский,
Как ускользнуть от смерти. И нашел.
За несколько годов пред тем, как Дьявол
Его унес,
Он верному велел ученику
Себя рассечь, - и рассказал подробно,
Как дальше поступать. Разнесся слух,
Что умер чернокнижник. Был Твардовский -
И нет его. А ученик меж тем
Его рассек - и приготовил зелья,
Облил куски вскипевшим соком трав
И в землю схоронил наоборот их,
И не в ограде, а перед оградой.
Твардовский поручил ему, чтоб он
Не прикасался к тем кускам три года,
Семь месяцев, семь дней и семь часов.
И ученик все в точности исполнил.
Один пришел он - в полночь, в новолунье, -
И семь свечей из жира мертвеца
Зажег перед оградой. Сбросил землю,
Прогнившую сорвал он с гроба крышку, -
Какое чудо! Больше нет останков:
Где саван был, фиалки там цветут
С пахучею травой богородской.
На этой мураве дитя лежало,
Объятые дремотой и в чертах
Обличив Твардовского являя.
Он взял ребенка и принес в свой дом.
За ночь одну возрос он как бы за год,
Семь дней прошло - и он уж обо всем
Так говорил, как говорил Твардовский,
В семь месяцев - он юношею стал.
Тогда-то обновившийся Твардовский
В искусстве чернокнижном стал работать.
Он щедро наградил ученика, -
Однако же, чтоб тайна возрождения
Не разгласилась, он его заклял -
И стал тот пауком. Его держал он
В своих покоях, в добром попечении.
Когда потом Твардовский из корчмы
Бесами унесен был в вышний воздух,
Паук, что прицепился паутинкой
К его одежде, вместе с ним повис...
Паук ему товарищем остался:
На нити он спускается к земле,
Глядит - что там, взбирается к высотам,
Над ухом у Твардовского присядет
И говорит - что видел он, что слышал,
Чтобы Твардовский очень не скучал.

ПИЛИГРИМ

Шел пилигрим убогий и зашел
В такие скалы, что нигде из них

Он выхода не видел. Так прошло
Все лето. Подошла зима, такая
Суровая, что птицы, замерзая,
Из воздуха в златых спадали перьях.
Озябший пилигрим ждал верной смерти,
Как вдруг он горностая увидал,
Который пробежал в скале огромной
Чрез узкую расщелину. Взглянувши,
Обрадовался он, что есть дорога.
"Дорога здесь", - вскричал, но те слова
Замерзли тотчас, сам же пилигрим
В огромный мертвый камень превратился.
Пришел другой в то место пилигрим,
И так же между этих скал высоких
Он выхода не мог найти, как первый.
Уж начал он отчаиваться, плакать,
Вдруг Солнце на весну оборотилось,
Оттаяли замерзшие слова.
Взглянул он, видит, что лежат слова,
Их лед держал, с последним темным снегом,
Теперь же в них сияла мурава,
Свежо. Он подошел и прочитал:
"Дорога здесь". Пошел по указанью,
И этот проводник не обманул,
Он вышел прямо к гробу Иисуса.

ИЗ ЛИТОВСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

ПЕСНИ И ДАЙНЫ

МЕСЯЦ

Месяц взял Солнышко в жены
Первою ранней весной,
Солнышко рано проснулось,
Месяц на небе отстал.

Месяц бродил одиноко,
И полюбил он Денницу,
В сильном был гневѣ Перкунас -
Месяц мечом разрубил.

Что же отстал ты от Солнца?
Что же один ты блуждаешь?
Что ж полюбил ты Денницу?
В сердце печаль не унять.

* * *

Солнышко встало,
Ходит по небу,
Смотрит по небу,
Звезды считает,
Счетом считает,
Все ли тут звезды.
Звезды считай ты,
Счетом считай ты,
В счете одной нет
Лучшей звезды.
Самой лучистой
Здесь не найдешь ты,
Рано зажглася,
Поздно зашла.

* * *

Иду, иду я
Дремучим лесом,
Иду по взгорью,
Иду по взморью,
Ищу родимой.
Ой мать, ой Солнце,
Открой родная,
Раскрой золотые
Свои ворота,
Впусти во двор!
Истомы полон
Мой день-денечек,
А ночь приходит
С тоскою долгой.
Пусти, родная,
Я так устала!
И мать пустила,
Она раскрыла
Ворота настежь
На двор широкий.

- Сестрица, здравствуй!
Сестра, ты долго
Была на взгорье,
На диком взморье,
Иди, сестрица,
Скорей в светлицу,
Иди в садочек,
Там ждет цветочек!

РУТА

Рута в садике цветет,
Вышла дева в свой черед.
Вышла дева и поет.
Не меня ли манишь? Вот.
Нежен садик рутяной.
Выйди в садик, милый мой.
Дева, дева, оглянись.
Я с тобой. Цветы зажглись.
Рутяной венок сплела.
В воду бросила, светла.
Нежно счастье. Милый - мил.
Рутяной венок уплыл.

У БЕРЕЗКИ

У березки-малолетки
Три сестрицы ломают ветки.
Люли, люли, ой люли,
Три сестрицы ломают ветки.
Сестры, ветки вы ломайте,
А верхушку не снимайте.
Люди, люди, ой люли,
А верхушку не снимайте.
Вы не трогайте верхушки
Из-за серой той кукушки.
Люли, люли, ой люли,
Из-за серой той кукушки.
Любо будет на верхушке
Куковать весной кукушке.
Люли, люли, ой люли,
Куковать весной кукушке.

ЛИТВИН

Литвин уезжал на войну,
Мать оставлял и жену.
Мать начинает тужить:
"Кто тебе будет служить
В далекой Угорской земле?"
"Что же, родная? Есть звезды во мгле, -
И не счесть.
Светят глазами,
Белыми светят руками, -
Будут как знамя, как буду рубиться с врагами.
Ты вот, родная, как будешь одна?"
"Буду молиться". - "А ты как, жена?"
"Буду любить тебя. Буду молиться".
"А как ребеночек малый родится?"
"Буду ребенка качать.
Петь буду песни". - "А будут метели?"

"Лаума вместо меня к колыбели
С бледным лицом подойдет.
Будет ребенка качать,
Снега мне в сердце немного положит.
Это поможет.
Буду молчать".

МЕСЯЦ И СОЛНЦЕ

Солнце-Савлита - красивая дева,
Месяц женился на ней.
Светы направо, и светы налево,
Солнце поет, и под звуки напева
Росы - как бисер на сетке ветвей.
Солнце взошло и по небу блуждало,
Месяц сказал: "Целовались мы мало".
Месяц бледнеет от трепета сил.
Слышит в ветвях он поющую птицу,
Видит блестящую Диво-Денницу,
Вмиг светлолицую он полюбил.
Он ее нежит, целует, ласкает.
Видит Перкунас измену его,
Поднял карающий меч, набегаёт,
Месяц разрублен, но жив. Оттого
Солнце-Савлита, пылая от гнева,
Ходит по синему небу вдовой,
Месяц же часто в ущербе, но дева
Диво-Денница в сиянье напева
Слышит, как Месяц ей шепчет: "Я твой!"

МАТЬ И ДОЧЬ

- О мать моя родимая,
Позволь идти мне с ними,
С солдатами, как с братьями,
Огонь там ходит в дыме.
- О дочь моя, ты девушка,
Не с ними мерить доли:
Сегодня здесь, а завтра там, -
Солдатский хлеб тяжелый.
- О мать моя родимая,
Огонь не гаснет в дыме.
Я в бой пойду с солдатами.
Хочу идти я с ними.
- О дочь моя любимая,
А ночевать-то где же?
- О мать моя родимая,
Повсюду ночи те же.
Как ночь придет, зеленый луг
Густой травой поманит.
Как ночь придет, высокий холм
Моей постелью станет.
- О дочь моя любимая,
Что подстелить ты сможешь?
И чем же ты прикроешься,
И как себе поможешь?
- О мать моя, кручинишься
Напрасно надо мною,
Росу я подстелю себе,
Прикроюсь темной мглою.

ВОРОБЬИНЫЙ ПРАЗДНИК

Воробей варит пиво для гостей,
Дам-дам-дали-дам-дили-дам.
Жить не может воробейко без затей,
Скачет, пляшет по дорогам, по кустам.
Варит пиво воробейко для гостей,
Дам-дам-дали-дам-дили-дам.
Всех крылатых просит в гости воробей.
Писк и щебеты. Дам-дам-дили-дам.
Он с совой пошел плясать. Пляши и пей.
Ей на палец наступил - и стыд и срам.
Не с тобой бы воробью плясать, ей-ей.
Дам-дам-дали-дам-дили-дам.
Захмелел совсем от пива воробей,
И пищит сова, нахмурясь: "В суд подам".
Отдавил сове он палец, лиходей,
И пошла она таскаться по судам,
И чирикнул на заборе воробей:
Дам-дам-дали-дам-дили-дам.

ЗАРЕВАЯ

1

Утром ранним, раным-рано,
Солнышко взошло,
За окошком стал отец мой,
Глянул сквозь стекло.

Где ты был, сыночек милый,
Где гулял зарей?
Где свои заржавил шпоры,
Оросил росой?

Утром ранним, раным-рано,
Я коня кормил,
И заржавил там я шпоры,
В росах оросил.

Ты неправильное слово,
Мой сынок, сказал.
Ты там утром, раным-рано,
С девушкой гулял.

2

Утром ранним, раным-рано,
Солнышко взошло,
За окошком стал отец мой,
Глянул сквозь стекло.

Где гуляла, дочь родная,
Где зарей была?
Где на твой веночек зеленый
В росах пала мгла?

Утром ранним, раным-рано,
Шла я за водой,
И на мой веночек зеленый
Пала мгла росой.

Ты неправильное слово,
Дочь моя, рекла,
Ты там утром раным-рано,
С молодцем была.

САДИК

Пой, моя сестрица.
Что же не поешь ты?
Что ты загрустила,
Руки опустила?

Как же буду петь я?
Как мне веселиться?
В садике есть горе,
Горюшко есть в малом.

Вытоптаны руты,
Сорваны все розы.
Лилии помяты,
Залиты росой.

С севера ль был ветер?
Иль река в разливе?
Иль гремел Перкунас?
Жгли сверканья молний?

Нет, не север веял,
Не река шумела,
Не гремел Перкунас,
Не было здесь молний.

Сонмы бородатых,
Мужи из-за моря,
К берегу пристали,
В садик пробирались.

Руты растоптали,
Розы все сорвали,
Лилии сломили,
Всю росу стряхнули.

Я-то уцелела
Только еле-еле,
Под побегом руты,
Под веночком черным.

СЕЛЬСКИЙ СТАРОСТА

Близ дороги, близ широкой,
Сельский староста живет.
Ай да дудка-прибаутка,
Сельский староста живет.
Дуй-ка в дудку, ду-ду-ду,
Никуда я не пойду.

Как у старосты три сына,
Все три сына как один.
Ай да дудка-прибаутка,
Все три сына как один.

Дуй-ка в дудку, ду-ду-ду,
Никуда я не пойду.

Сын есть Степа, сын есть Юра,
И Матюшка третий сын.
Ай да дудка-прибаутка,
И Матюшка третий сын.
Дуй-ка в дудку, ду-ду-ду,
Никуда я не пойду.

Как поехал я в Альвиту,
Степке скрипку я купил.
Ай да дудка-прибаутка,
Степке скрипку я купил.
Дуй-ка в дудку, ду-ду-ду,
Никуда я не пойду.

Степке скрипку, Юрке дудку,
А Матюшке пирожок.
Ай да дудка-прибаутка,
А Матюшке пирожок.
Дуй-ка в дудку, ду-ду-ду,
Никуда я не пойду.

Мы поехали в Альвиту,
Ничего там не нашли.
Ай да дудка-прибаутка,
Ничего там не нашла
Дуй-ка в дудку, ду-ду-ду,
Никуда я не пойду.

И ни скрипки, и ни дудки,
Никакого пирожка.
Ай да дудка-прибаутка,
Никакого пирожка.
Дуй-ка в дудку, ду-ду-ду,
Никуда я не пойду.

ИЗ СЕРБСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

СМЕРТЬ МАТЕРИ ЮГОВИЧЕЙ

Милый Боже, совершилось чудо!
Льется войско на Косово поле,
В этом войске девять Юговичей,
Старый Юг Богдан десятый с ними.
Юговичей мать взмолила Бога,
Чтобы дал ей очи Он соколья,
Белого бы лебеда дал крылья,
Чтоб лететь ей на Косово поле,
Да увидеть девять Юговичей,
С ними Юга старого Богдана.
Как молила Бога, умолила,
Даровал ей Бог соколья очи,
Белого ей лебеда дал крылья,
Полетела на Косово поле,
Видит мертвых девять Юговичей,
Старый Юг Богдан десятый с ними.
А над ними девять бранных копий,
Девять соколов на бранных копьях
И коней у копий, добрых, девять,
Девять лютых львов перед конями.
Тут заржали кони, добрых девять,
Лай поднялся львиный, девять лютых,
Девять соколов кричат-клеочут,
В матери осталось сердце твердым,
Слез она от сердца не сронила.
Но коней взяла с собою девять,
Девять львов ведет с собою лютых,
Девять соколов берет проворных,
И на белый двор она вернулась.
Издали невестки увидали
И выходят ближе к ней навстречу,
Зарыдали вдовы, как кукуют,
Плачут горьких девять сиротинок,
И заржали кони, девять добрых,
Девять лютых львов рычат и лают,
Девять соколов кричат, клеочут,
В матери осталось сердце твердым,
Слез она от сердца не сронила.
Как настала ночь, ночное время,
И заржал тут сивый конь Дамьяна,
И сказала мать к жене Дамьяна:
"О невестка ты, любовь Дамьяна,
Что там ржет так сивый конь Дамьяна?
Голоден, пшеницы белой хочет,
Жаждет ли и ждет воды Звечанской?"
Говорит любимая Дамьяна:
"О свекровь моя, о мать Дамьяна,
Нет, не хочет он пшеницы белой,
И не жаждет он воды Звечанской,
Крепко от Дамьяна он научен
Есть овес до полночи, наестся,
А как ночь, как полночь, в путь-дорогу, -
О своем жалеет господине,
Больше на себе его не чует".
В матери и тут осталось сердце
Твердым, слез от сердца не сронила.
Рассвело, и утро наступило,
И летят два ворона, два черных,
Крылья вплоть до плеч покрыты кровью,

А на клювах брызги белой пены,
И рука юнака в этих клювах,
И кольцо на той руке сверкает,
Золотой ли перстень обручальный,
На колени матери бросают.
И взяла мать Юговичей руку,
Так берет, и так перевернула,
И зовет любимую Дамьяна:
"О невестка ты, любовь Дамьяна,
Это чья рука, ты не признаешь?"
Говорит Дамьянова супруга:
"О свекровь, родная мать Дамьяна,
Ведь рука-то нашего Дамьяна,
По кольцу я руку ту узнала,
Был со мной тот перстень на венчаньи".
Мать взяла Дамьянову ту руку,
Так берет, и так перевернула,
И к руке тихонько держит слово:
"Ах, рука, ах, яблоко родное,
Где росло и где тебя сорвали?
Ты, рука, росла на милом юном,
Сорвана ты на Косовом поле!"
Боль свою тут мать не одолела,
Разорвалось сердце от печали,
Пожалела девять Юговичей,
С ними Юга старого Богдана.

ПАХОТА МАРКА КРАЛЕВИЧА

Пьет и пьет вино Кралевиц Марко,
С матерью, со старой Евросимой,
А когда вина они испили,
К Марку мать такое держит слово:
"О мой милый сын, Кралевиц Марко,
Брось, родной сыночек, ратоборство,
Ты добра от злого не добьешься,
Матери лишь старой досаждаешь,
Рвешь одежду, заливаешь кровью.
Лучше плуг возьми, волов упряжку,
Распаши ты горы и долины,
Сей, сынок, ты белую пшеницу,
Сам кормись, меня корми, сыночек!"
И послушал Марко мать родную,
Взял он плуг и взял волов упряжку,
Но не пашет горы и долины,
А царевы пашет он дороги.
Вот проходят турки-янычары,
И несут они добра три клади,
Говорят к Кралевицу ли к Марку:
"Эй ты, Марко, не паши дорогу!"
"Эй вы, турки, не топчите пашню!"
"Эй ты, Марко, не паши дорогу!"
"Эй вы, турки, не топчите пашню!"
Досадили Марку янычары,
Хвать он плуг и хвать волов упряжку,
И побил он янычар тех, турок,
Взял у них добра три клади Марко,
И отнес их матери он старой:
"Вот тебе сегодня напахал я!"

ИЗ ХОРВАТСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

* * *

Дивное увидеть довелось мне,
Видела, чего и не увидишь:
Рыба воду свежую носила,
А свекровь невестку полюбила,
Только длилось это час короткий,
И вода, я вижу, носит рыбу,
И опять свекровь бранит невестку.

* * *

- Что ты больно, девушка, красива,
Родилась от померанца, что ли?
- Родилась я не от померанца,
У горы умыла мать родная,
Колыбель мою качала буря,
В море волны вольную качали,
В невод рыбаки меня ловили,
Думали - серебряная рыба,
А была то белая юница.

* * *

Хорошо проснуться раным-рано,
Подмести весь двор и, взявши ведра,
По воду сходить одной до речки,
На водице малый цвет оставить.

Как придет мой миленький на речку,
Он найдет там цветик на водице,
Пусть мой милый знает, что была здесь,
Что ему оставила цветок я.

* * *

С девушкой ли женщина сравнится?
Женщина - раскрывшаяся роза,
Девушка же - это завязь розы.
Дождь идет, и роза опадает,
Солнце светит, завязь расцветает.

* * *

Девушка кличет с горного срыва,
С горного срыва голосом звонким:
"Султан Селим мой, царь-господин мой!
Может ли быть он, Травник Боснийский,
Город Боснийский быть без владыки?
Как Банялуке быть без владыки?
Можно ли птице быть да без леса,
Птице без леса, рыбке в безводье?
Может ли быть нежноликая дева,
Нежная дева без милого друга?"

* * *

Сколько раз тебе я говорила,
Сколько раз твердила я, мой милый:
"Ты не пей колодезную водицу,
Не люби младую ты вдовицу.
Ведь вода в колодце - лихорадка,
А с вдовой, без воли быть не сладко.
Пей вино ты и люби юницу.
От вина румяный лик светлее,
От юницы сердце веселее".

ИЗ БОЛГАРСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

КОЛЕДАРИ

Ты за мать не прячься, мальчик,
Не скрывай лицо за нею,
Не гляди так робко-робко,
Очи вскинь, на нас взгляни-ка,
Погляди, да усмехнись нам,
Мы не сваты пред тобою,
Мы здесь только коледари.

ЛОЗА

Вьется витиком лоза
Меж двух тонких тополей,
То не витик, не лоза,
Меж двух тонких тополей,
То невеста, утро дней,
Меж двух юных деверей!

ДОЖДЬ БИСЕР

Мелкий дождь идет, как тонкий бисер,
Своего коня седлает милый,
Хочет он во Влахии добычи,
Я же говорю ему с мольбою:
- Посиди, дружок, ты этот годик,
Этот годик, а за этим новый,
Денег ты и здесь добыть сумеешь,
В жизни один раз любовь и юность,
Это как роса, любовь и юность,
Утром есть, а днем ищи не сыщешь.

* * *

Дай мне, Боже, крылья лебедины,
Пролечу я Тунджу и Марицу,
Упаду я пред царевым войском,
Выберу я для себя юнака,
У него ли сабля звонко бьется,
У его колена соболю пляшет,
На плече стоит глазастый сокол,
У него ли конь весь в белой пене.

ЧУМА

Как чума по Боснии ходила,
Как она в Сараеве бродила,
Десять сотен душ на дню упало, -
Всё же город той беды не понял.
А когда у матери единый
Умер сын, - беда сполна предстала,
И чума, насытившись, устала.

МАРГИТА

Мрак на поле, и солнце заходит,
На дворе собрались невестки:
Чей черед за водой с кувшином?
А черед был Маргиты-девойки.
Да хитра мать Маргиты, лукава, -
Хватъ кувшин - и идет за водой.
Вот встречает ее юн безумец:
"Добрый вечер, Маргитина мать,
А Маргита-девушка-то где же?"
Отвечает Маргитина мать:
"Умерла нынче ночью Маргита,
Братья утром ее схоронили".
И промолвил тогда юн безумец?
"Ты не лги, ты не лги, мать Маргиты,
Всю-то ночь нынче ночью Маргита
У меня на руке пролежала".

НЕВЕСТА ТОДОРА

Есть красивая Тодора,
Молодая есть невеста,
За водой не ходит утром -
Вечерами, в лунном свете,
Чтобы солнце не смотрело.
Вот Тодора наклонилась
Зачерпнуть в кувшин водицы,
Тень упала до криницы,
Выпрямляется Тодора,
И не тень была пред нею -
Молодой был воевода.
Говорит Тодоре тихо:
"Ой, невеста молодая,
Ты, красивая Тодора,
Зачерпни воды студеной,
Напои коня из кадки,
Напои меня устами,
А дружину - из пригоршни".

ЖУРАВЛИ

"Журавли вы серокрылы,
Журавли вы длиннокрылы,
Как высоко вы летите,
Как далёко вы глядите, -
Миновали ли в пути вы
Ровный край пустой - Добруджу?
Был ли вам в полете виден,
Журавли, внизу мой милый?"
Журавли сказали юной:
"Коли спрашиваешь, скажем.
Да, мы видели Стояна
В Черном море, среди моря.
Корабли плывут по морю,
Корабли плывут и лодки.
Вот плывет корабль по морю,
А за ним плывут три лодки,
Млад Стоян плывет по морю,
Держит медную свирель он,
Он играет на свирели,
А свирель свирелит слово:
"Подожди меня немножко,

Ты ждала меня так долго,
Подожди еще немножко.
Если к милой не вернусь я,
Избери себе другого, -
Пусть моим он ходит ходом,
Пусть мое он молвит слово,
Пусть мою поет он песню".

СОН

Заснула девушка крепко
У самого берега моря, -
Под той ли был сон под маслиной.
И ветер повеял от моря,
Он ветку сломал на маслине,
Ударила девушку ветка,
В лицо ее ветер ударил,
И, вздрогнув, она пробудилась,
И ветер кляла она гневно:
"Ах, если б ты, ветер, не веял,
Спала бы себе и спала я.
Приснился мне сон несчастливый:
Приходят в мой сон три безумца,
Безумцы они, не женаты.
Один дал мне яблоко красно,
Другой подарил мне злат-перстень,
Во сне целовал меня третий.
Пусть тот, что был с яблоком красным,
Иссох бы, как яблоко красно;
Пусть тот, что дарил мне злат-перстень,
Сквозь перстень скользнув, провалился;
А кто целовал меня в дрёме,
Целуй не во сне меня - в яви!"

ЖЕНИХ ДА НЕ ЖЕНИЛСЯ

Ждет юнак, все смотрит-смотрит:
Хороша в селе юница -
В стаде агнец белорунный,
На горе ветвистый явор,
Горностаевая шапка.
Ждал безумный, все смотрел он, -
Белый агнец был заколот,
И срубили стройный явор,
И купил купец проезжий
Горностаевую шапку.

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ

Мать моя, радость родная,
Юною я умираю,
Не хорони меня скоро,
Дай подойти всем подружкам,
Пусть восковыми свечами
Все они - светы засветят,
Все принесут по цветочку,
Все погрустят и потужат.
После - меня ты схоронишь
Меж двух дорог, двух широких,
Там, где несутся юнаки.

Буду я слушать, родная,
Как там топчут их кони,
Звякают острые сабли.

ИЗ АРМЯНСКОЙ НАРОДНОЙ ЛИРИКИ

1

Солнце взошло среди туч,
Мой милый, как явор, высок,
Союз наш среди споров возник,
Мой милый, любимый, мне мил.
Пусть сына теряет наш враг,
Мой милый, как явор, высок,
Недоброе сердце - из мглы,
Мой милый достоин хвалы.

2

Я зажглась - я горю, как свеча,
Мне с отцом не встречаться, душа горяча.
И оставила мать я и брата.
Я с желанным моим,
Женою я стала того, кто любим,
Того, от кого никуда нет возврата.

ИЗ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

ЗЕРКАЛО

Я коня вороного тебе оседлала,
Отточила твой нож, заострила копье.
Если нужно – так в путь, встретить змеиное жало,
Но в бою не забудь ту, чье сердце – твое.

Как в том зеркальце малом, в том зеркальце чудном,
Что мне с ярмарки раз ты из Кяхты привез,
Обещай мне, что буду в пути многотрудном
Отражаться в душе твоей, в зеркале грез.

Прежде чем ты уедешь, мне дай обещанье
Каждый вечер смотреть, в третий час, на луну, –
В этот час, как ее так зеркально сиянье,
Ты гляди в серебро, ты гляди в глубину.

Прежде чем ты уедешь, тебе обещанье
Также дам, что смотреть, в третий час, на луну
Каждый вечер я буду, завидев сиянье,
В тот серебряный круг, в ту ее глубину.

Каждый вечер твои будут чувствовать очи,
Каждый вечер глаза будешь чутяь мои,
И взаправду луна, в приближении ночи,
Будет зеркалом нам – в серебре, в забытии.

Каждый вечер увижу коня вороного,
И тебя в том краю, где играет война,
Каждый вечер увидишь ты снова и снова,
Как тебя я люблю, как тебе я верна.

ИЗ ПОЭЗИИ ЭЛЛАДЫ

САФО

1

Кругом - свежий ропот в ветвях
Яблонь, и вот уж с листвы зашуршавшей,
Как дождь - перешепот, струится сон.

2

Зашла Луна,
Зашли Плеяды,
Час поздней ночи,
Уходит время,
А я одна.

3

Вот, счастливый супруг,
Свадьба, которой желал ты,
Брак совершен, и с тобой -
Та дева, которой желал.

4

С чем, о любимый, тебя я, с чем я сравню?
С гибкой веткой тебя я, с веткой сравню.

5

Девственность, девственность, стой! Ты куда?
Я к тебе не вернусь, не вернусь никогда.

ИЗ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ

ДУ ФУ

В УРОВЕНЬ С ВОДОЙ

Так быстро стремится ладья моя в зеркале вод,
И взор мой так быстро следит за теченьем реки.
Прозрачная ночь, в облаках, обняла небосвод,
Прозрачная ночь и в воде, где дрожат огоньки.
Чуть тучка, блестя, пред Луной в высоте промелькнет,
Я вижу в реке, как той тучки скользит хризолит.
И кажется мне, что ладья моя в Небе плывет,
И кажется мне, что любовь моя в сердце глядит.

ИЗ ЯПОНСКОЙ ПОЭЗИИ

Танка

КАКИНОМОТО ХИТОМАРО

* * *

Ночь бесконечна
Для одиноких.
Она длинней,
Чем хвост фазана,
Когда летит он.

ОСИКОТИ-НО МИЦУНЭ

* * *

Весенней ночью
Цветущей сливы
Сокрыт расцвет.
Не видно краски,
Но слышен дух.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

* * *

Осенней ночью
Все люди стихли,
Лишь плачут нежно
На арфе пальцы
В дрожаньи струн.

БУНЪЯ-НО ЯСУХИДЭ

* * *

В дыханьи горном
На всех деревьях
Заржавел лист.
Зовется Бурей
Дыханье гор.

ОНО-НО КОМАТИ

* * *

Вся краска цветка,
Потускнев, побледнела,
Пока я глядела,
Как лик мой проходит
Меж ликов земных.

КИОВАРА-НО ФУКАЯБУ

* * *

Всего лишь полночь,
А ночь уж тает.
В каких же тучках
Заночевала,
Ты где, Луна?

КИНО ЦУРАЮКИ

* * *

Сердцу ль человека
После мглы разлуки
Вспомнить человека?
Но цветы все те же, -
Дышат так, как прежде.

МИНАМОТО-НО СИГЕЮКИ

* * *

Как волны, что бьются
Под ветром о скалы,
Один,
Я схвачен печалью,
В тоске.

ФУДЗИВАРА КИНТО

* * *

Водная пена
Здесь исчезает,
Там восстает.
Так в этом мире
Бродим и мы.

* * *

Шум водопада
В далекой дали
Умолк давно.
Но светоч - имя,
Слежу, плывет.

МИНАМОТО-НО ТАМЭИСИ

* * *

Будь я Луною,
Что там заходит
За горный гребень,
Я б не вернулся
В печальный мир.

ИМПЕРАТОР СУТОКУ

* * *

Пороги в пене,
Поток скалою
Разъединен.
Соединится -
Вот мысль моя.

РЕДЗЭН-ХОСИ

* * *

Пустынно-грустно.
Иду из дома,
Смотрю кругом,
Везде все тот же
Осенний свет.

ЦУНЭНАГА АСОН

* * *

Хотя я только
Слуга смиренный,
Но я хочу,
Чтоб шла до неба
Моя дорога.

ФУДЗИВАРА НОБУИСИ

* * *

Оставить в мире
Хоть лист словесный,
Мой знак - чуть-чуть,
Как лист бамбука,
Глядящий в пруд.

МУРО КЮСО

* * *

С одним и тем же, -
Я знаю, - сердцем
Сосна веков
И цвет минутный -
Вьюнок, лик утра.

МОТООРИ НОРИНАГА

* * *

В вечернем свете,
Еще прозрачном,
На горном снеге
Перелетевших
Ворон следы.

ДЗИППЕНСЯ ИККУ

* * *

Разлука с жизнью.
Немножко дыма
От фимиама.
Немножко пепла.
Земля, прощай.

ЁСАНО КАН (ТЭККАН)

* * *

В вечерней дали
Тоскует флейта,
Вздыхает ветер,
У винной лавки
Качает иву.

* * *

В тиши вечерней,
На мох могильный
Роса с цветка
Скользнула. Если
Он в снах проснется!

* * *

Я на распутьи,
Туда мечтанье,
Сюда судьба.
И я над белой
Фиалкой плачу.

Хокку

ИКЭНИСИ ГЕНСУЙ

* * *

Собака воет.
Дом опустелый.
Трепещет плещ.

БАСЕ

* * *

Летние травы,
След в вас я вижу
Воинских снов.

КИКАКУ

* * *

Полнолуние.
На циновках
Тень сосны.

БУСОН

* * *

По листьям опавшим
Шаги зашуршали.
Ждала. Он подходит.

* * *

Уходя с колокольни,
О, какой он прохладный,
Этот звук колокольный.

* * *

Холодно. Слышу,
Как по тарелке
Мыши шуршат.

ТАКУВА РАНКО

* * *

Деревушка пустынная,
Дымом вся опоясана.
Приближаются сумерки.

ИНОУЭ СИРО

* * *

Росу услышишь.
Вот пахнет чаем.
Кто тихий в тихом?

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

* * *

Сколько листьев опавших!
Столько листьев зеленых
Я не видел в лесу весной.

* * *

На мертвой ветке
Чернеет ворон.
Осенний вечер.

ИЗ ИНДИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

(XVIII век)

МИР ТАКИ

* * *

Мысль приникает до черных волос твоих, - на лице моем
слезы тоски,
И дивлюся, но ночи мне грезятся, брызжет дождь и горят
светляки.

ШАХ СЕЛИМ

* * *

Я хочу, чтобы розовый камень был могилы моей талисман,
Ибо каменно сердце у милой и пленительный облик - румян.

МИЯН ДЖАНГУ

* * *

Если сердце болеет любовью, чтобы жить, нужно
нежить недуг.
Кто излечит его - тот преступник. Горе сердцу!
Убьет его вдруг.

СОЗ

ГАЗЕЛЬ

К чему стонать, о сердце, с зари и до зари?
Довольно. Будет, сердце. Умолкни и замри.
К чему вздыхать, о сердце? Всю боль в себя вбери.
Она не слышит, сердце. Умолкни и замри.
Поверь. Поверь мне, сердце, и слез росу отри.
Искать не надо, сердце. Умолкни и замри.
С тобою плачут, сердце. Но не она, - смотри...
О, глупое ты, сердце. Умолкни и замри.
И эти искры сердца, - хоть их не две, не три, -
Стихи напрасны, сердце. Умолкни и замри.

ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

УИЛЬЯМ ВОРДСВОРТ

УЕДИНЕНИЕ

Я говорю: Какое побуждение,
Какой толчок в течение долгих лет
Отшельника манил в лесную чашу
К его безмолвной келье? Что его
В пустыне укрепляться заставляло,
Как бы бросать там навсегда свой якорь,
Пока он не смежит свои глаза,
В последний раз послав свой взгляд прощальный
На солнце и на звезды? - О, не только
Страх пред мечом грозящим, угрызенья,
Обиды, непоправленные роком,
И оскорблений боль неотомщенных,
Таких, что отомстить за них нельзя,
Растоптанная гордость, перемена
В благополучьи, ужас нищеты,
Что ум на край безумия приводит,
Обманутая дружба, боль влечения,
В другом не пробудившего взаимность,
С отчаянием слитая любовь
Иль мука, что дошла до агонии; -
Он не всегда бежал от нестерпимых,
Невыносимых пыток; но нередко,
Влекомый безмятежным наслаждением,
Он счастья искал, свободы, мира;
Затем что в нашем счастье - ощущение
Центральное есть мир.
Ему хотелось видеть постоянство,
Что было, есть и будет бесконечно,
Себе такой награды он искал.
И что другое было твердой скрепой
Для братства, что воздвигло монастырь,
Высоко на скале, - приют воздушный, -
Или в уединении долины, -
Что привлекло их всех из дальних мест,
Содружеством их сливши неразрывным? -
Инстинкт успокоения всемирный,
Желанье подтвержденного покоя,
Внутри и вне, возвышенность, смиренность;
Жизнь, где воспоминанье и надежда
Слились в одно, и где земля спокойна,
Где лик ее меняется едва
Работой рук для нужд неприхотливых
Иль силою круговращения года,
Где царствует бессмертная Душа,
В согласии с своим законом ясным,
И небо для услады созерцанья
Открыто в невозбранной тишине.

ТЕННИСОН

СТРАНСТВИЯ МАЛЬДУНА

1

Я был предводителем рода - он убил моего отца,
Я созвал товарищей верных - и поклялся мстить до конца,

И каждый царем был по виду, и был благороден и смел,
И древностью рода гордился, и песни геройские пел,
И в битве бестрепетно бился, на беды взирая светло,
И каждый скорее бы умер, чем сделал кому-нибудь зло.
Он жил на острове дальнем, и в море мы чуяли след:
Убил он отца моего, перед тем как увидел я свет.

2

И мы увидали тот остров, и он у прибоя стоял.
Но с вихрем в безбрежное море нас вал разъяренный умчал.

3

Мы приплыли на Остров Молчанья, где был берег и тих и высок,
Где прибой океана безмолвно упал на безмолвный песок,
Где беззвучно ключи золотились и с угрюмых скалистых громад,
Как застывший в порыве широком, изливался немой водопад.
И, не тронуты бурей, виднелись кипарисов недвижимых черты,
И сосна от скалы устремлялась, уходя за предел высоты,
И высоко на небе, высоко, позабывши о песне своей,
Замечтавшийся жаворонок реял меж лазурных бездонных зыбей.
И собака не смела залаять, и медлительный бык не мычал,
И петух повторительным криком зароженье зари не встречал,
И мы все обошли, и ни вдоха от земли не умчалось в твердь,
И все было, как жизнь, лучезарно, и все было спокойно, как смерть.
И мы проклинали остров прекрасный, и мы проклинали светлую тишь;
Мы кричали, но нам показалось – то кричала летучая мышь,
Так был тонок наш голос бессильный, так был слаб наш обманчивый зов,
И бойцы, что властительным криком поднимали дружины бойцов,
Заставляя на тысячи копий устремляться, о смерти забыв,
И они, и они онемели, позабыли могучий призыв
И, проникшись взаимной враждою, друг на друга не смели взглянуть.
Мы покинули Остров Молчанья и направили дальше свой путь.

4

Мы приблизились к Острову Криков, мы вступили на землю, и вмиг
Человеческим голосом птицы над утесами подняли крик.
Каждый час лишь по разу кричали, и как только раскат замолкал,
Умирали колосья на нивах, как подстреленный бык упал,
Бездыханными падали люди, на стадах выступала чума,
И в очаг опускалась крыша, и в огне исчезали дома.
И в сердцах у бойцов эти крики отозвались, зажглись, как огни,
И протяжно они закричали, и пустились в схватку они,
Но я рознял бойцов ослепленных, устремлявшихся грудью на грудь,
И мы птицам оставили трупы и направили дальше свой путь.

5

Мы приплыли на Остров Цветов, их дыханьем дышала волна,
Там всегда благовонное лето, и всегда молодая весна.
Ломонос голубел на утесах, страстоцвет заплетался в венок,
Мириадами венчиков нежных и мерцал и звездился вьюнок.
Вместо снега покровы из лилий покрывали покатоности гор,
Вместо глетчеров глыбы из лилий уходили в багряный простор,
Между огненных маков, тюльпанов, миллионов пурпурных цветов,
Между терна и роз, возникавших из кустов без шипов и листов.
И уклон искрометных утесов, как поток драгоценных камней,
Протянувшись от моря до неба, весь играл переливом огней,
Мы блуждали по мысам шафрана и смотрели, как остров блестит,
Возлежали на ложах из лилий и гласили, что Финн победит.
И насыпаны были мы пылью, золотистою пылью цветов,
И томилась мы жгучею жаждой и напрасно искали плодов,
Все цветы и цветы за цветами, все блистают цветы пленой,
И мы проклинали Остров Цветущий, как мы проклинали Остров Немой,
И мы рвали цветы и топтали, и не в силах мы были вздохнуть,
И оставили голые скалы, и направили дальше свой путь.

Мы приплыли на Остров Плодов, и плоды золотились, горя,
 Бесконечные сочные гроздья отливались огнем янтаря,
 Точно солнце, желтелася дыня на рассыпчатом красном песке,
 И с отлогого берега смоква поднималась, блестя вдалеке,
 И гора, как престол, возносилась и роняла оттенки в залив
 От мерцания груш золотистых, от сверкания рдеющих слив,
 И лоза вокруг лозы извивалась, вызревающих ягод полна,
 Но в плодах ароматных скрывалась ядовитая радость вина.
 И вершина утеса, из яблок, величайших из всех на земле,
 Разрасталась без листьев зеленых, и тонула в сверкающей мгле,
 И краснелась нежней, чем здоровье, и румянилась ярче стыда,
 И заря багрянец лучезарный не могла превзойти никогда.
 Мы три дня упивались плодами, и безумье нахлынуло сном,
 И друзья за мечи ухватились и рубились в безумье слепом,
 Но плоды я вкушал осторожно, и, чтоб разум ослепшим вернуть,
 Я сказал им о мести забытой, – мы направили дальше свой путь,

Мы приплыли на Остров Огня, он манил нас, блистая в воде,
 Он вздымался на целую милю, устремляясь к Полярной звезде.
 И едва на ногах мы стояли, созерцая огонь голубой,
 Потому что весь остров качался, как объятый предсмертной борьбой,
 И безумны мы были от яда золотых ядовитых плодов,
 И, боясь, что мы бросимся в пламя, натянули мы сеть парусов,
 И уплыли скорее подальше, и сокрылась от взоров земля,
 Мы увидели остров подводный, под водой – светлей хрустала,
 И глядели мы вниз и дивились, что за рай там блаженный блистал,
 Там стояли старинные башни, там вздымался безмолвный портал
 Безмятежных дворцов, как виденья, как поля невозбранного сна.
 И для сердца была так призывна голубая, как твердь, глубина,
 Что из лучших воителей трое поспешили скорей утонуть, –
 Глубь задернулась быстрою зыбью, мы направили дальше свой путь.

Мы прибыли на Остров Щедрот, небеса были низки над ним,
 И с рассветом лучистые длани облака раздвигали, как дым,
 И для каждого падала пища, чтоб он мог не работать весь день,
 До того, как на западе встанет золотая вечерняя тень.
 Еще не был наш дух беспокойный так пленительно-ласков и тих,
 И мы пели о Финне могучем и о древности предков своих.
 Мы сидели, покоясь и нежась, у истоков певучих ключей,
 И мы пели звучнее, чем барды, о судьбе легендарных царей.
 Но потом утомились мы негой, и вздыхали, и стали роптать,
 И мы прокляли Остров Блаженный, где могли без помехи мечтать,
 И мы прокляли Остров Зеленый, потому что он наш был везде,
 Потому что врага не могли мы – не могли отыскать мы нигде.
 И мы в шутку швыряли каменья, мы как будто играли в шары,
 Мы играть захотели в сраженье, захотели опасной игры,
 Потому что кипучие страсти нам томили мятежную грудь,
 И, насытившись дикой резнёю, мы направили дальше свой путь.

Мы приплыли на Остров Колдуний, и певучий услышали зов –
 "О, придите, придите, придите!" – прозвучало над зыбью валов,
 И огнистые тени дрожали, от небес упавая к земле,
 И нагая, как небо, колдунья восставала на каждой скале,
 И толпы их белели на взморье, словно чайки над пеной валов,
 И толпы их резвились, плясали на обломках погибших судов,
 И толпы их бросались в волны освежить белоснежную грудь,
 Но я знал, в чем опасность, и дальше поскорей мы направили путь.

И в недоброе время достигли мы до Острова Башен Двойных,
Из камней полированных башня и пред ней из цветов вырезных
Возносились обе высоко, но дрожали пещеры внизу,
Ударялись башни, звенели и гремели, как небо в грозу,
И гудели призывным набатом, точно яростный возглас громов,
И раскаты проникли до сердца разгоревшихся гневом бойцов.
И за башню камней разноцветных, и за башню цветов вырезных
Меж бойцами резня разразилась, - и на Острове Башен Двойных
Вплоть до вечера буря господня лишь смолкала затем, чтоб сверкнуть,
И, оставивши много убитых, мы направили дальше свой путь.

11

Мы приплыли на Остров Святого, что когда-то с Брэнданом уплыл,
Он на острове жил неотлучно и уж старцем-святителем был.
Еле слышен был голос святого, словно голос далеких миров,
И к ногам борода упала белизною нагорных снегов.
Он сказал мне: "Ты злое задумал. О Мальдун, ты живешь как во сне,
Ты забыл, что сказал нам всевышний, - он сказал нам? "Отмщение -
мне".

Умерщвлен был твой прадед, отмщен был, и за кровь пролита была кровь,
И убийство сменялось убийством, и убийство свершалось вновь.
О, доколе все это продлится? Нет конца помышлениям злым.
Возвращайся же к острову Финна, пусть Былое пребудет Былым".
И края бороды белоснежной мы лобзали, вздохнув от борьбы,
Мы молились, услыша, как старец воссылал пред всевышним мольбы,
И смирил нас преклонный святитель, и главу опустил он на грудь,
Мы печально корабль снарядили и направили дальше свой путь.

12

И мы вновь увидали тот остров, и убийца на взморье стоял,
Но мы мимо проплыли безмолвно, хоть на остров нас вал увлекал.
О, устал я, устал от скитаний, от волнений, борьбы и грехов,
И приблизился к острову Финна только с горстью угрюмых бойцов.

ИЗ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

ГЕОРГ БАХМАН

ТЕНИ

Ползут косые тени,
Захватывают луг.
В зловещей тихой лени
Идут, растут вокруг
Уродливые тени.

Убил их строй косою
Крылатые стремленья.
С холодной росой
Подкралось утомленье
Растущей полосой.

Где замок сладкой лени?
В одно пятно слились
Лучистые ступени.
Сошлись и обнялись
Уродливые тени.

ИЗ СКАНДИНАВСКОЙ ПОЭЗИИ

ТОР ЛАНГЕ

CLAIR-OBSCUR { * }

Застенчивая Ночь, твои немые ласки
Я с жадностью ловлю, ты нежно льнешь ко мне,
Ко мне, чья молодость - слова забытой сказки,
Кто счастье знал лишь миг, и то давно, во сне.

Люблю, люблю тебя. Чуть шепчущий и мглистый,
Твой тихий полумрак - приют от вечных бурь,
Меня пугает свет, мне страшен день лучистый,
Мне бездной кажется глубокая лазурь.

Да, я ночной цветок. Смотри, такой печальный.
О Ночь, возьми меня и дай мне мир вкусить, -
Пусть буду я всегда, как серафим опальный,
На розовых крылах сквозь сумерки скользить.

{ * Светотень (фр.) . }

* * *

Встань же, месяц, встань и будь, где был всегда,
Ждет вода тебя, глубокая вода.

В глубине, которой сохнуть не дано,
Радость сердца опустилася на дно.

Встань же, месяц, из-за облака взгляни,
Из-за темного свой проблеск зарони.

Радость, радость, озарявшая мне сны,
Глянь, как месяц, из глубокой глубины.

ИЗ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ

ЖОЗЕ МАРИА ДЕ ЭРЕДИА

РАБ

Вот, грязен, страшен, наг, отбросами кормим,
Я – раб, взгляни: клеймо, на теле знак, не скрою.
Но вольным я рожден над бухтой голубою,
В ней зеркало нашла гора верхам своим.
Счастливым остров мой. Зачем расстался с ним?
Коль Сиракузы ты, и пчел, и склон с лозою
Вновь узришь, возвратись за лебедем весною,
Спроси о той, кого любил я, был любим.
Найди. Скажи. Я жив, хоть боль многострадальна.
Увижу ли ее глаза, фиалок цвет?
Лазурь небес родных – улыбкой в них – зеркальна.
А тонкий свод бровей победно в ночь одет.
С ней свидеться опять – иной надежды нет.
Ее узнаешь ты: она всегда печальна.

МОРСКОЕ ДУНОВЕНИЕ

В раздольях дух зимы опустошил цветы.
Все обезжизненно. Лишь о скалу седую
Дробит Атлантика волну свою густую.
Последний лепесток дрожит средь пустоты,
И все же аромат тончайшей красоты
На ветерке морском ко мне доходит, чую.
Теплом он в сердце льет свою струю хмельную.
Дыханье странное, скажи, откуда ты?
А, узнаю его. Тысячеверстной дали
Пройдя голубизну, мечты Антильский брат,
Он, жаркий, долетел оттуда, где Закат.
Кимрийская волна под ним бледнее стали.
И на седой скале цветком дохнуть я рад,
Что где-то возрастил – Американский сад.

ИЗ БЕЛЬГИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

ШАРЛЬ ВАН ЛЕРБЕРГ

Из поэмы "Сад замкнутый"

5

Я прильну к тебе здесь, на сердце твое,
Как весна на море,
На равнинах моря бесплодного,
Где никакой цветок не растет,
На просторе вод
И ветра свободного,
Кроме цветов световых,
В этих дыханьях живых.
Я прильну к тебе здесь, на сердце твое,
Как птица морская,
Что, устав от усилья,
Прижавши к себе свои крылья,
Льнет к морю, себя отдавая,
В перистости нежной убранства,
Баяканью вод,
И море, ее качая,
Колыбелит крылатую в ритме вечном волн и пространства.

6

Протяни свои руки в зыби мои,
Это покров мой муаровый,
Это покров мой из мирры,
Нарда, бензоа;
Все мое тело умощено,
Дышит оно,
Бедра мои
Поддались благовонной волне.
Что еще из одежды осталось мне,
Это волны моих распустившихся кос,
Это волны моих золотистых волос,
Это - солнце, в котором сюда я пришла,
Это - солнце, где я обнаженной была.

Из поэмы "Песнь Евы"

Я

Жаркие розы
В неподвижной ночи,
Это в вас я пою,
Это в вас я есмь я.

На вершине деревьев
В вас, о искры - лучи,
Я как вечная есмь,
И я вижу себя.

Море глубокое,
Это в тебе
Кровь моя - словно зыбь,
Возрожденный поток.

Сила верховная,
Солнце, это в тебе
Сочеталась душа моя
С богом своим.

ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ

Это в тебе, о возлюбленный, я слышу, когда внемлю,
В тебе я вижу мою душу.
Прими молчанье мое, покажи мне дорогу, ты, кого я люблю,
Мои глаза миру закрыты, раскрыты в тебе и тобою.
Это в тебе я смеюсь, плачу, тихонько скорбя,
Это в тебе я мечтаю.
Это в тебе моя грудь поднимается, дышит любя,
Это в тебе я биение сердца моего ощущаю.

Это тобой
Я дышу, и в дыханьи моем словно трепеты крыл золотистых.
Это в тебе пробуждаюсь я в день золотой,
Это в тебе засыпаю я для слов серебристых,
О возлюбленный мой!

ПРИНОШЕНИЕ

Тени твоей эти цветы, этих цветов лучистый привет,
Ибо цветы суть свет.
Сердцу, что дремлет, глазам, что окутались мглой,
Ибо цветы - Покой.
Голосу, ставшему ныне частицей безмерного моря, - дыханья,
Ибо цветы - Молчанье.

ИЗ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

АНДЖОЛО ОРВЬЕТО

ЗЕМЛЯ СМЕРТИ

Неумолимы Солнце и созвездья
На небе, не смягченном облаками,
Угрюмо поглощенном только зноем
Без примиренья. Тщетно к небесам
Земля раскрыла сотни ртов сожженных
И тысячи воспламененных уст,
В горячке распростертая и в бреде.
Все небо ясной ночью – только звезды,
Обширная волнообразность звезд,
А днем – поток пылающего Солнца.
Могила – плодородная Земля
Для всех своих зародышей несчетных,
И если ветер до нее коснется,
По нивам он не устремит прилив,
Содружественный с мощным ладом Моря.
Одни, от долгой пыли побелев,
Застыло-строго всходят к небу пальмы,
Как будто осыпь беглых звезд своих
Безгласно вознося к тем вечным сестрам,
И в зное нестерпимом, как стада
Рассеявшихся буйволов, блуждают
Толпы людские, привиденья-жертвы
Съедающего голода. О, пальмы,
Дозорные прозрачной высоты,
Так это правда, что блуждают старцы
Иссохшие, чья борода спадает
По темной груди, – женщины-скелеты,
И дети, что, как веточки под ветром,
Гонимы острым голодом, блуждают
По пустырям и через силу рвут
Какой-нибудь иссохший желтый стебель,
Сожженный Солнцем, из песку исторгнут
Коренья захиревшие, чтоб жадно
Зубами изглодать? Так это правда,
Что, если кто из воющего стада
Падет, бессильный, в тяжком забытии,
Под ясным небом коршуны сберутся
И вороны, – толпой придут шакалы,
В ночи горячей, с звездами без сердца,
С пылающими звездами Креста?
О, сколько дымных там костров пылают,
О, сколько человеческих огней
На шири обездоленной равнины.
Дым едкий, запах терпкий подле вас.
О, пальмы, стражи в воздухе прозрачном,
И в дыме стоны, стонам нет конца.
А Ганг священный мчит свой ток прозрачными,
Чрез землю мертвых в Море, унося
И прах костров и то, что не сторело
До истребленья в гложущем огне.
Как маленькие лодочки на влаге,
Кружатся обгорелые останки
Под небом красной меди, к Океану;
Над ними племя коршунов чернеет,
И коршуны стремят кривой свой клюв.

Нежнейший странник, Шелли, сердце-пламень,
Зажженное над синими волнами,
Так, значит, был напрасен – твой напев,
И ты напрасно, цвет бессмертно-юный,
В священных вспевах разбросал любовь,
Благоуханье вечно молодое?
Из Индии нажим прорвался смерти,
Из той земли, где царствуют твои,
С другим нисходит током он попутным,
С другой рекой, широкою, как Ганг,
Ток золота, которого хватило б,
Чтоб это истребленье обуздать
И миллионам тех, что умирают,
Дать жизнь. Но смерть дают, того желая.
Вот почему и буры жертва смерти,
И жертвы смерти – сонмы краснокожих.
Владычествовать – глупое желанье –
Рим затенен, Наполеон погашен.
Ты, божеский, смири ту злую хоть,
Заставь на миг притихнуть Лондон пьяный,
Вся Индия – безмерное рыданье,
Хор плача, умиранье, море мертвых.
Я видел их, по лестницам широким
Сходящих к Гангу, женщин Бенареса,
Твоих волшебниц, Индия, святыня.
С ресницами чернейшими, с очами
Глубокими, что пламенны и кротки,
Высокие и стройные, сполна
Окутаны в покров, как в дни Эллады,
Торжественные, ясные, рядами
По лестницам широким нисходили
Те женщины, на голове неся
Кувшин из бронзы в отсветах скользящих,
Держа его с изяществом верховным.
И вот, меж этих отсветов металла
И блеска глаз, под небом, полным светов,
Вдруг, над кувшином той, что всех красивей,
Легко запрыгал черный-черный ворон.
Текущий Ганг, ты видишь все в пробеге,
Скажи, в какой из хижин угасает
Красивая? Иль под какую пальмой
Она, скелет бродячий, тщетно бродит,
О горсти зерен, о плоде убогом
Напрасно просит, тщетно умоляя
Глазами – а глаза ее какие!
Смотри, британец, посмотри и видь!
К тебе глядят в пустынях бесконечных
Внимательные миллионы глаз,
Сияя напряженно крайним блеском,
Дрожат и умирают звезды неба.
И миллионы рук к тебе простерты,
Таких же рук, как твоего отца,
Твоей жены, твоих детей. Подумай,
Быть может, ты в свой самый крайний час
Увидишь те чудовищные руки,
Все эти руки, что к тебе простерты,
Как туча бесконечная в великом
Смятеньи меж землей и Солнцем в небе,
Меж Солнцем и тобой!

ИЗ ИСПАНСКОЙ ПОЭЗИИ

ЛУИС ДЕ ГОНГОРА-И-АРГОТЕ

ИСПАНЕЦ ИЗ ОРНА

Романс

Среди коней, освобожденных
От седоков своих убитых,
Что ищут в поле, не глядит ли
Меж красного зеленый цвет,
Берет испанец из Орна
Коня, что бродит одиноко,
По ржанию звонкому – веселый,
По груди сильной – великан.
И на него он сам садится
И мавра пленного сажает.
Ста всадников начальник храбрый,
Его в бою он захватил.
На быстрого коня садится;
Двойною парой шпор пронзенный,
Несется он, как бы влекомый
Теченьем четырех ветров.
Печальный в путь араб поехал,
И, как умел, настолько тихо
Метал он пламенные вздохи
И слезы горькие ронял.
И каждый раз, как обернется,
Испанец видит с изумленьем,
Что нежно плачет, кто в сраженье
Так тяжело раны наносил.
И вот степенно и учтиво
Его он просит, чтоб сказал он,
Какая этих слез причина,
Коли причина разрешит.
И пленный, пленником являясь,
Без оговорок отвечает
И на вопрос, дышащий чувством,
Испанцу так он говорит:
"Велик ты в храбрости, испанец,
И так учтив ты, как бесстрашен;
Оружием и обращеньем
Двойко ты меня пленил.
Меня спросил ты о причине
Моих горячих воздыханий,
И должен я тебе ответить,
Раз я есть я, а ты есть ты.
От берберийки благородной
И от губительного турка
Родился в Хельне я, в тот год, как
Разбиты в Хельне были вы.
Я воспитался в Тремесене
Близ матери моей и близких
Как сирота: отец мой умер
Корсаром трех морских судов.
Одна красавица из рода
Мелионесов благородных
Жила близ моего жилища,
Чтоб ближе смерть я встретить мог.
Предел среди красивых женщин,
Коль не предел среди жестоких,
И, словно дочь пустынь песчаных,

Родительниц красивых змей.
Столь красота ее прекрасна,
Что на устах ее гвоздики
Цветут верней, чем это видим
В два ярких месяца весны.
Чуть только на нее взгляну я,
Ее чело сияет солнцем,
Одетым столькими лучами,
Насколько пышны волоса.
Мой разум, ею побежденный,
Красноречиво говорит мне,
Чтоб я простил ее жестокость
И только помнил красоту.
Росли мы оба неразлучно,
И в те младенческие годы
Любовь неравными стрелами
Пронзила юные сердца.
Как золото, во мне возникнув,
Она сплелася нежной сетью,
В ней, как свинец, одни насмешки
И небреженья родила.
Так вот, испанец, та причина,
Которой к скорби я подвигнут:
Решай, имею ль основанье
О стольких горестях скорбеть!"
"О смелый мавр, - ему сказал он, -
Коль ты влюблен, как повествуешь,
И если любишь, как сказал мне,
Блаженно мучаешься ты.
Кто мог бы думать, увидавши
Твои свирепые удары,
Что в сердце столь суровом скрыта
Такая нежная душа?
Коль ты пленен любовью, можешь
Сейчас отсюда возвратиться,
А то сочтут, пожалуй, кражей
То, в чем я видел лишь судьбу.
И выкупа я не желаю,
Пусть мне она не посылает
Ни багряниц веселоцветных,
Ни превосходнейших ковров.
Свободен ты, иди же с Богом,
Страдай, любя, и жить ты будешь,
Когда же ты ее увидишь,
Прошу я, вспомни обо мне".
И вот с коня испанец сходит,
За ним и мавр сошел на землю
И, на земле пред ним простершись,
Целует ноги у него
И говорит: "О вождь бесстрашный,
Живи еще тысячелетья,
Ты бравым был, меня пленивши,
Вдвойне был бравым - отпустив.
Аллах с тобою да пребудет
И даст тебе всегда победу,
Дабы распространил ты славу
В деяньях доблести такой.
Когда впервые изменилась
Жестокость той змеи красивой,
Меня как раз в бою пленил ты.
Решай же, мог ли я скорбеть!"

ИЗ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

ЯН КАСПРОВИЧ

* * *

Он мечется по полю, ветер,
Средь жита он путь свой пронесит,
Где хочет, вздохнет, отдохнет там,
О том никого он не просит.
Метнется к болотам, проворный,
Склонясь над рекой, шевельнется,
Смутит в ней покой серебристый
И в дальние зори замкнется.

* * *

Полюбила душа моя, любит
Тихий шелест дерев,
Когда их вершины качает
Друг мой ветер, запев.

Полюбила душа моя, любит
Волн голосистую сталь,
Когда друг мой буря взметнет их,
Уходящих в неизвестную даль.

Полюбила душа моя, любит
Сияния творческих зорь,
Когда друг мой солнце им в мире
Молвит: "С мраками спорь!"

Полюбила душа моя, любит
Пропастной ночи размах,
Когда друг мой смерть на охоту
Летит, а пред нею страх...

БОЛЕСЛАВ ЛЕСЬМЯН

ВЗМАХ ВЕСЕЛ

Взмах весел разрезал текучую сталь -
И шорох - и Солнце - и песня - и даль.
Лишь так это нужно для знака чудес;
Плыть против земли - и напротив небес.
Кораллы, жемчужины с темного дна
Бросать в глубину своего полусна.
Забросить и слушать, как там, где темно,
Ударится жемчуг в ответное дно...
Как зеркало в_о_ды, и лодка в нем знак,
Вот так это нужно для чуда, лишь так.
С ладьею двойною и здесь ты, и там,
Двукратно один ты, двукратно ты сам.
Ладьею двойною плыви в тишине,
Вдвойне в ней люби ты и гибни вдвойне.
Тех весел четыре, и два тут руля,
Лицо - до лица, и с землею - земля.
Из снов ты из двух проскользнул по волне,
Чтоб вновь здесь в единственном встретиться сне.
На ночи, - единому сну, - и на дни,

Тому одному ты душой присягни!

ОТАКАР БРЖЕЗНА

НАСТРОЕНИЕ

На ветви тягой лег, смягченный зноем, шум,
Недвижный, он висел, как зыбь тоскливых дум,
Лес тяжело дышал, и горечью, спросонья,
Из зелий терпкое струилось благовонье,
Лесною чащею истома шла, бледна,
И близ меня присев, пророчила она,
В зрачки мои взглянув, вопросов вечных сила,
Глаголом мертвых слов со мною говорила.
Цвет солнца, перезрев, до белизны дотлел
И в голубой листве нашел себе предел,
И в обессиленьи бесстрастия немого,
Как пар вдыхал я жар дыханья огневого.

* * *

Вечно снова, в одоленьи, песню песен начинаем,
В тайне рук гроза и нежность, сладость музыки светла,
Мы, жнецы твои, дорогу пред собою прожинаем,
Но в просторе бесконечном – нивы, нивам нет числа.
На сто солнц колосья в дали, в шелестеньи неоглядном,
День души и лето духа беззакатны, век их юн,
Нашу песнь еще не кончим, как в безвестном братстве жадном
Сила рук ударит звучно в утишенность наших струн.
И покуда в сердце громы, звонов праздничное пенье,
На земле, что в пляске кружит, будет дружный пляс весны,
Сонмы ртов в извечной жажде будут жадно пить забвенья,
И надежда к душам будет близить утренние сны.
Смерть тем часом молчаливо ход направит городами,
Будет в свадебных чертогах, где игра всех чувств нежна,
Над стихийными боями, солнце жгучими садами,
Всеприсутственна и мудро – победительно – ровна.
Руки, в песне воздымаясь, полны зорких тоскований,
Как цветы, протянут рденья через огненный туман,
И под сводами возникнет войско духа, рать скитаний,
Новым табором раскинут те дружины звездный стан.
Слово в ладе полновластном прозвучит глаголом мира,
И в духовном ратоборстве встанет строй передовой,
С распростертыми крылами взлет задержит средь сапфира,
В часе, бурю тяжелом, недвижим перед грозой.

ПЕТР БЕЗРУЧ

КТО НА МОЕ МЕСТО?

Так мало крови во мне, а она еще льется и льется
Из уст.
Как будет уж дом мой пуст,
И буду я гнить, и трава надо мной
Взрастет и, цветя, заблестит,
Кто займет мое место,
Кто поднимет мой щит?

Окутанный дымом витковских печей,

В глазах моих ночь и огонь из ноздрей,
Я встал,
И солнце горело, и вечер светился,
Нахмуривши брови врагов я считал,
На ком-то из них и венец был алмазный,
Метнулся из шахты я, темный и грязный,
Но каждый увидел мой гнев, мой отпор
И длань рудокопа из гор.

И крови так мало во мне, а она еще льется
Из уст.
Когда же мой дом будет пуст,
И буду я гнить, и трава надо мной
Взрастет, заблестит,
Кто стражем займет мое место,
Кто поднимет мой щит?

* * *

В правой руке нес тяжелый я молот,
Каменный уголь обломком по левой ударил меня,
Око мне выел, выхлестнув пламень,
Семьдесят тысяч проклятий я в сердце несу.
Я Петр Безруч, из Тешина Безруч,
Порабощенного люда я бард,
Агасфер среди чехов,
Я угрюмая тень - привиденье и народа погибшего бард.

КАРЕЛ ТОМАН

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

Дом обветшалый. На стенах дырявых
Разросся жадный мох.
Лишайники в прожорливых оравах.
Забытый двор давно заглох.
Жабреем каждый стебель здесь задавлен,
Одни крапивы лесом разрослись.
Заплесневел колодец и отравлен,
В нем водопой для крыс.
А яблонь хворая вся - хилость и утрата,
Не знаешь, что она цвела ли хоть когда-то.
В веселый, ясный день, когда лучи блестят,
В обломках посвисты щеглят.
От солнечных лучей меняется картина,
Минут летящих мнится шум,
Как будто тень часов, танцует в них былина,
Вздых: Sine sole nihil sum {*}.
{* Без солнца я ничто (лат.).}

ФЕВРАЛЬ

Ты, который так любишь пустынность
И в чаще глубокой лесов, и в спешном затишьи полей
Слушаешь голос - биение жизни,
Ты не слышишь когда-нибудь
Голос глубин?
Карнавал, доходящий из далекой убийства, вражды умираний?
Молчанье земли болит,
И все же в низинах

Дрожание сердца трепещет, и скрытый родник из темнот
Прорывается к свету.
А песня вод молодых
Захмелит твое сердце и счастья в рассудке засветит огни.
Мы в отчаяньи только бездомны, мы в вере никак не одни.

МАРТ

На нашем колодце свистел ранним утром дрозд:
Идет весна, идет весна!
Когда же я в сад открывал окно,
Шептали, трескаясь, почки:
Идет весна, идет весна!
Трепещет сирень, в ожиданьи грушовка.
Идет весна, идет весна!
Расцвели твои волосы новым сверканьем,
И новой руды напился твой смех.
Идет весна, идет весна!
О Боже!
Ты - обновитель и ты - возродитель,
Вспомни о сердце в снегу.

АПРЕЛЬ

Веселый дождь вперегонки
И Божья радуга над краем нам впервые.
Хозяин сеялку оставил
И в упованье
Обходит, им засеянное, поле.
Придут морозы, может быть. Но цел он,
Святой посев.
Один закон есть - быть ростком, пробиться,
Расти в грозу и непогоду,
Всему наперекор.
Толковые к огню подсели деды
И хвалят мудрость старую, уставность,
Приметы старых лет.

ИРЖИ ВОЛЬКЕР

МОРЕ

На бреге, на острове, на берегу каменном
Я море выслеживал печальных шесть дней,
Его не нашел я там, - а видел лишь птицу я,
На крыльях взволнованных летала весь день,
На месяце вечером садилась усталая,
И с песней серебряной спадая с него,
На бреге на каменном напевом обманчивым
Та птица внушала мне, что море - она,
С волнами лазурными, взволнованно-синими,
Что миром достаточно как лугом идти,
Что, ежели море ты задумал выслеживать,
Сумеешь ты синее зрачками испытать.

ИЗ БОЛГАРСКОЙ ПОЭЗИИ

ИВАН ВАЗОВ

БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК

Язык священный прадедов моих,
Язык терзаний, стонов вековых,
Язык детей, чье скорбное рождение
Не радость возвещает, яд мученья.

Язык прекрасный, в полной силе встань,
Тебе ли не бросают всюду брань?
А вслушался ли кто, что в этом севе
Есть шепот нив и сладкий звук в напеве?

Кто вник ли, как в тебе играет мощь,
И эта речь - как гулкий, звонкий дождь?
Как плеск, здесь бьется, блеск переливая,
Какая выразительность живая?

От детских дней любя мне звучность та,
И пусть над ней нависла клевета,
Она моим пребудет вдохновеньем,
В грядущем грянет эхо звучным пенем.

РОССИЯ

Россия! Как нас это имя
Пленяет - милое, родное!
Она лучами огневыми
Светила в горе наше злое!

Она нас вспомнила, когда мы
Забыты были, - чужд весь свет,
Любовь, цветок над краем ямы,
Забота, ласка и завет.

Россия! Ширь - в веках и ныне,
Размах ты с мощью разливной!
Ты схожа с небом, с бездной синей,
И только с русской душой!

НИКОЛАЙ РАКИТИН

* * *

Я всюду и во всем - в первоогнях весны,
В высоких небесах, где синяя завеса,
В однообразии чуть плещущей волны
И в шепоте вечернем леса.
Сквозь образ тлеющий сверкает вечный храм,
Мой дух глядит волной, цветком, птенцом и дымом,
И в изменяемом я неизменен сам,
Неуловим я в уловимом.
В превратности, где миг - всему единый рок,
Как линия, как звук, как луч, как возглас к чуду,
Я - жизнь, я - вечное стремление, ноток,
Все - мной, со мной, во всем и всюду.

ПРОСТОР

Я жду, а волны, блеск свой холя,
Целуют влажную скалу.
А дальше, там, простор и воля
В жемчужную уходят мглу.

Я жду - в торжественном просторе,
В душе - напев и дышит гладь.
Куда меня уносит море,
Не знаю... И зачем мне знать!

НОЧЬ

Разогретая ночь разлеглась
Но долинам, в покой погруженным.
Где-то птица в забвении сонном
Еле крикнет в дремотный свой час.
А над горной зубчатой громадой
Юный месяц, как юный пастух,
По небесным лугам, светодух,
Водит пышное звездное стадо.

* * *

Над могилой моей вы не ставьте креста,
На нее да не ляжет немая плита.
Лишь души моей знаменье, легкой и вольной,
Посадите вы тополь над ней тонкоствольный.
Он взнесет свои ветви в игре бытия,
И потянется к солнцу, в родные края.
И раскроет лучу он листок благовонный,
И приснится ему весь мой сон недосненный.

НИКОЛАЙ ЛИЛИЕВ

ЗВОН

Небесный свод - безумно синий,
Над полем праздник, светлый звон,
Мой дух, пленяемый пустыней,
К безвестной дали унесен.

Чуть брызжет время, ток бегучий,
В волнах текущий златосон,
Мой дух всплывающий, плавучий
К безвестной дали завлечен.

Душа дохнула, час ей тесен,
В безбрежном хочет быть затон,
Мой зыбкий дух, как песня песен,
Волненьем влаги окаймлен.

ЕМАНУИЛ ПОПДИМИТРОВ

ЛАУРА

Белой розы глазок нераскрытый, ты белая роза, Лаура...
Роза зимних ночей, тех, где вьюги метелятся хмуро,
Тех, когда расцветают цветы по стеклу,
И, безлиственна ветка дрожит, как теперь.
Вот я белою розой коснулся, сквозь мглу,
О хрустальную дверь.

- Пробудись, о невеста небесная сонная!
Я коснулся преддверья слегка... Ты слегка поднимаешь вуаль,
Говоришь: Как я долго ждала тебя!
Задремала под бурей, что спенилась хмуро,
Убеляя всю даль.

- Твой голос кремонская скрипка, Лаура,
Когда расцветают цветы по стеклу
И ветка, безлиственно зыбься, велит моему суеверью
Качнуться во мглу,
На скрипке кремонской глухой я играю пред светлою дверью,
Кличет даль,
Снежная мчится метель, убеленная...
Ты без слов опускаешь вуаль.

- Пробудись, о невеста небесная сонная!

НИВА

Вся жизнь наша - нива. Блажен благодатно,
Кто, рано проснувшись, могучей десницей
Исторгнет и вылетит плевел негодный
И светом лезвийным широко растворит
Ее плодородные, влажные недра,
Златую посеет в то лоно пшеницу,
С любовью, с надеждой и с верой уронит
Ядреные зерна, под зимние бури,
Под летние вихри, домыслит, дождется,
Увидит, как медленным сочным наливом
Зерно всколосится и в снежном покрове
Зеленый возникнет узорчатый колос,
Как стебли окрепнут и станут упруги,
И жито цветет, разлелеялось море,
Пьет нежные росы, июльское жженье
В него наливает медвяное злато,
Качается, клонится колос тяжелый,
И зреет, и ждет, чтобы серп его срезал.
Блажен, кто и отдыха даже не знает,
Ярмо на волов надевает с зарею,
Тугие снопы громоздит на телегу
И после, довольный, к гумну подъезжая,
Скирды воздымает до неба высоко.
Придет молотья, и тяжелым копытом
Идут воронные, ступают по току
И топчут солому. А под вечер, глянь-ка,
Вознесся омет, - не отвеяно жито.
И ветер подует ли с запада тихо,
Лопата взметнет полновесные зерна,
Плева от него отлетает мгновенно,
Червонная стелется долу пшеница.
Отмерит хозяин глубокою мерой,
Возьмет четверик, умолота начатки,
На старую мельницу близко дорога,
Там нежные брызги, хрустенье и гулы,
Тугое зерно стало мягкой мукою.
Хозяйка заботливо тесто замесит
И квасу прибавит, чтоб было что выпить,
Чтоб слаще куснуть испеченного хлеба.
Частицу в квашне отделит она теста

И крест из него над воротами ставит,
Под тенью креста чтобы дом возносился..
Доволен хозяин, что полны амбары,
Готовы запасы на год полносчетный,
А после берет он от чистого жита,
Отбор просеивает для будущей пашни.
И сеет, и жнет он, молотит, и веет,
И снова он жнет, чтобы жать и чтоб сеять.
Как в жизни, и здесь неизменность закона:
Посевы и жатва, за жатвой посевы,
И так до предела, до самого края.
И вечны в просторах земли и бессмертны
И труд, и любовь, и горение жизни.

ИЗ АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

ПЕТРОС ДУРЯН

МОЯ СКОРБЬ

Я не о том скорблю, что в жажде сновидений
Источник дум святых иссякшим я нашел,
Что прежде времени мой нерасцветший гений
Сломился и поблек под гнетом тяжких зол;

И не согрел никто горячим поцелуем
Ни бледных уст моих, ни бледного чела;
И, счастья не познав, любовью не волнуем,
Смотри - уж предо мной зияет смерти мгла...

И не о том скорблю, что нежное создание,
Букет из красоты, улыбки и огня, -
Не усладит мое последнее страданье,
Лучом своей любви не озарит меня...

Я не о том скорблю... Нет, родине несчастной -
Все помыслы мои... О ней моя печаль!
Не в силах ей помочь, томясь тоской напрасной,
Безвестно умереть, - о, как мне жаль, как жаль!

СИПИЛ

ЛАДАН

Восходит фимиам, курясь пред алтарем;
Звеня серебряно, качаются кадила,
И дымка ладана, рожденная огнем,
Плывя, чело святых молельно осенила.

Моленья долгие под сводами дрожат,
И плачет пламя свеч. Длиннее и короче
Их устремления. Тоскливо-бледный ряд,
Как будто сонные, слепясь, мигают очи.

У сумрачных колонн, где стонов тлеет страсть,
Трепещет белое, снежисто, покрывало,
Там сердце, сумрака изведавшее власть,
Как ладан от огня, горит и бьется ало.

До вышних областей восходит фимиам,
Идя, как из цветка, из чашечки кадила.
Был ладан веществом, - как запах входит в храм,
Соженный пламенем, он красочная сила.

И сердце женщины, лелеющее стон,
Когда расплавится, тогда лишь будет сильно,
И сталью вырвется из кожаных ножен,
Лазурным пламенем взнесясь над всем, что пыльно.

АЛЕКСАНДР ЦАТУРЯН

РУЧЕЙ

Что ты плачешь, прозрачный, журчащий ручей?
Пусть ты скован цепями суровой зимы,
Скоро вспыхнет весна, запоешь ты звончей
На заре, под покровом немой полутьмы!

И, свободный от тяжких, холодных оков,
Ты блеснешь и плеснешь изумрудной волной,
И на твой жизнерадостный, сладостный зов
Вольный отклик послышится в чаще лесной.

И, под шелест листка, ветерка поцелуй
Заволнует твою белоснежную грудь,
И застенчивым лилиям в зеркало струй
На себя будет любо украдкой взглянуть.

Вся земля оживится под лаской лучей,
И бесследно растают оковы зимы...
Что ж ты плачешь, скорбящий, звенящий ручей?
Что ж ты рвешься так страстно из темной тюрьмы?..

ОВАНЕС ТУМАНЯН

* * *

С горных высей стремится ручей;
Ниспадая, о камни он бьется,
И журчит, и ворчит, и смеется,
И звенит под сияньем лучей.

Сочетанию радостных звуков
Лес кругом слабый отзвук дает;
Так старик еле внятно поет,
Слыша звонкое пение внуков.

Но безмолвствует вечный утес;
Наклонившись громадой угрюмой,
Он охвачен загадочной думой,
Он исполнен неведомых грез...

ВААН ТЕРЯН

НАИРЯНКА

Мне наирянка улыбнулась тонкостанная,
Печальных глаз был прям и огнен верный взор,
И чист был пламень, как заря из ночи данная,
Горел и жил открытый облик девы гор.

И там, где северно и сумрачно от холода,
Наирский день блеснул в душе, как солнце, ал,
И в сердце – роза, сердце огненно и молодо,
Оно горит – и мне велит, чтоб не молчал.

Не петь нельзя мне непорочную и чистую,
Огонь поет, огонь – краса, я весь в огне,
Так солнце тучу разрезает дымно-мглистую,
Наирский край, высокий край, весь виден мне.

ИОАННЕС ИОАННИСЯН

* * *

Умолкли навсегда времен былых народы,
Родились новые народы в смену им, -
И с пальмой нежною зиждительной свободы
Склонилось счастье к народам молодым.

И слава прадедов, забрезживши звездою,
Роняет им свой луч и светом гонит зло;
И добытый трудом, печалью и борьбою,
Венок бессмертия венчает их чело.

Лишь только ты одна, Армения родная,
Лежишь, как труп живой, - мне горестно взглянуть }
В цепях тоскуешь ты, прекрасный лик склоняя;
Разметана твоя истерзанная грудь!

Из-под твоих руин не глянет ветвью новой
Зеленый мирт любви - спасения символ;
Возложен на тебя тоски венец терновый -
Венец немых скорбей и вековечных зол.

Но нет, ты не умрешь! Я верю в обновление,
Оно должно прийти, - оно к тебе придет.
Во мраке вековом горит звезда спасенья:
Проснися, близок час, о родина, - он ждет.

Все то, что некогда в душе твоей боролось,
Пусть вспыхнет вновь. Воспрянь во прахе и пыли!
Хоть полумертвая, услышь, подай свой голос, -
Твои сыны придут со всех концов земли...

ОВАНЕС ТУМАНЯН

АХТАМАР

Легенда

Каждой ночью к водам Вана
Кто-то с берега идет
И без лодки средь тумана
Смело к острову плывет.

Он могучими плечами
Рассекает лоно вод,
Привлекаемый лучами,
Что маяк далекий шлет.

Вкруг поток, шипя, крутится,
За пловцом бежит вослед,
Но бесстрашный не боится
Ни опасностей, ни бед.

Что ему угрозы ночи,
Пена, волны, ветер, мрак?
Точно любящие очи,
Перед ним горит маяк!

Каждой ночью искры света
Манят лаской тайных чар:

Каждой ночью, тьмой одета,
Ждет его к себе Тамар.

И могучими плечами
Бороздит он лоно вод,
Привлекаемый лучами,
Что маяк далекий шлет.

Он плывет навстречу счастью,
Смело борется с волной.
А Тамар, объята страстью,
Ждет его во тьме ночной.

Не напрасны ожиданья...
Ближе, ближе... вот и он!
Миг блаженства! Миг свиданья!
Сладких таинств райский сон!

Тихо. Только волны плещут,
Только, полны чистых чар,
Звезды ропщут и трепещут
За бесстыдную Тамар.

И опять к пучинам Вана
Кто-то с берега идет
И без лодки средь тумана
Вдаль от острова плывет.

И со страхом остается
Над водой Тамар одна,
Смотрит, слушает, как бьется
Разъяренная волна.

Завтра - снова ожиданья,
Так же искрится маяк,
Тот же чудный миг свиданья,
Те же ласки, тот же мрак.

Но разведал враг жестокий
Тайну любящих сердец:
Был погашен свет далекий,
Тьмой застигнут был пловец.

Растоптали люди злые
Ярко блещущий костер,
Небеса молчат ночные,
Тщетно света ищет взор.

Не заискрится, как прежде,
Маяка привет родной, -
И в обманчивой надежде
Бьется, бьется он с волной.

Ветер шепчет непонятно,
Над водой клубится пар,
И вздыхает еле внятно
Слабый возглас: "Ах, Тамар!"

Звуки плача, звуки смеха...
Волны ластятся к скале...
И как гаснущее эхо
"Ах, Тамар!" - звучит во мгле.

На рассвете встали волны

И примчали бледный труп,
И застыл упрек безмолвный?
"Ах, Тамар!" - среди мертвых губ.

С той поры минули годы,
Остров полон прежних чар,
Мрачно смотрит он на воды
И зовется "Ахтамар".

АВЕТИК ИСААКЯН

КОЛОКОЛ ВОЛИ

О колокол воли, гуди из лазури,
От горных высот, от кавказских громад,
Греми, как гроза, как гудение бури,
Чтоб гордый тебя услышал Арарат.

Могучее слово бунтующей мести,
Свой гнев расширяй, как враждующий стан,
Народам неси веселящие вести,
Чтоб грозный союз был, как стяг, златоткан.

От гор до селений, с долины - к долинам
От сердца летит пусть до сердца твой зов,
Да заповедь дашь, да гремишь властелином,
Твой гнев да звучит до скончанья веков!

О гордые души, сюда, - окрылитесь!
Совместно звеня, да развеем мы звон!
Наш колокол - гнев, он - ликующий витязь,
Чтоб вольный Кавказ позабыл свой полон.

О колокол воли, греми же, буди же
От сна Арарат и верховный Казбек,
Проснитесь, орлы, прилетите к нам ближе,
Свирепьтесь, о львы, и встряхнись, человек!

Довольно, довольно мы были рабами,
С умом в кандалах и с руками в цепях,
Неси же нам мощь, да пребудем мы в храме
И огонь распалим в напряженных сердцах.

Рычи нам, журчи нам и выстрой нас к бою,
До славы, до ран, хоть на смерть, но - в борьбу,
Несчастье и зло да сразим мы с тобою,
Греми же как гром и труби как в трубу!

Страна величавых и взрывных вулканов,
От моря звучи и до моря бушуй!
Кто смел - тот вперед! Поразим великанов!
Беги, водопад, огнебрызгами струй!

О колокол воли, наш колокол воли,
Да будет твой звук для сердец властелин!
Свободный Кавказ, в возрождении доли,
Весь вскликнет в ответ переключкой вершин.

ИЗ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

ГРУЗИНСКАЯ ОДА К ТАМАР

Тамар, тебя пою, ты - солнце незаходящей красоты,
Твой стан точеный тонко-строен, и кроткий лик являешь ты.

Тамар, эфир молниеносный, словесный луг целебных трав,
Ларец познаний, ключ, текущий среди Эдемowych дубрав.

В щедротах ты подобна морю, высоким духом - небесам.
Ты - милосердые, и смиренье, и упоение глазам.

Из края в край идя с победой и славой тронув гуд струны,
Ты победителей сразила, - они тобой побеждены.

Ты с богом разделила страсти его взнесенного креста,
В горах ты утвердила веру, - их высота тобой свята.

Все люди власть твою признали, и люди ль только слились в хор? -
Тебе подвластны львы в равнине, тебе послушны барсы гор.

Тебя зовут светила - солнцем, тебя возносят семь планет,
Но для певцов ты недоступна, и до тебя дороги нет.

ПРИМЕЧАНИЯ

Из грузинской поэзии

Грузинская ода к Тамар (стр. 478). – Тамар – царица Грузии (1184–1207); в период правления Тамар и ее мужа Давида Сослани (1189–1207) Шота Руставели занимал крупные государственные должности. Эдемские дубравы. – Эдем – земной рай.

Из армянской поэзии

П. ИОАННИСЯН

Иоаннес Иоаннисян (1864–1929) – армянский поэт-демократ, видный общественный деятель Советской Армении,

"Умолкли навсегда времен былых народы..." (стр. 484). – Оригинал датирован 1887 г.

О. ТУМАНЯН

Ованес Туманян (1869–1923) – выдающийся армянский поэт-эпик, прозаик, переводчик.

Ахтамар (стр. 485). – Ахгамор – остров в озере Ван, на Армянском плоскогорье.

А. ИСААКЯН

Авегик Исаакян (1875–1957) – выдающийся армянский поэт. Колокол воли (стр. 487). – Оригинал датирован 1903 г.

Из литовской поэзии

Первые переводы Бальмонта из литовской народной поэзии были напечатаны в альманахе издательства "Шиповник" в 1908 г. – задолго до знакомства поэта с полюбившейся ему Литвой. Чувствуя "с детства тяготение и любопытство" к Литве, с годами укрепляющееся благодаря многолетней дружбе с русско-литовским поэтом Ю. К. Балтрушайтисом, Бальмонт, однако, лишь в 1928 г. начал изучать литовский язык. "На Ваших произведениях и на стихах Лядаса Гиры, – писал он в 1930 г. В. Креве, – я овладел литовским языком. И, сознавая, как много мне еще работать над ним, я все же радостно чувствую, что литовский язык, столь загадочный, самобытный, богатый, я уже знаю". "Литва поистине завоевала" Бальмонта. Он высоко ценил творчество современных поэтов Литвы, но особенно восторженно отзывался о литовском фольклоре: сказках и дайнах (народных песнях). "...Дайны – целомудренность, нечто как "Vita Nuova" Данте, – писал Бальмонт А. Венуолису 1 декабря 1933 г. (цитированные письма опубликованы в журн. "Вопросы литературы", 1975, No 3, с. 238–254).

ПЕСНИ И ДАЙНЫ

Литвин (стр. 489). – Угорская земля – Венгрия. Лаума (лит. миф.) – лесная дева; может одарить человека, но чаще совершает злые поступки.

Месяц и Солнце (стр. 490). – Перкунас – см. примеч. к с. 413.

Садик (стр. 492). – Рута – см. примеч. к с. 416.

Из болгарской поэзии

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Маргита (стр. 495). – Девойка – девушка.

Невеста Тодора (стр. 495). – Криница – см. примеч. к с. 249.

Жених да не женился (стр. 497). – Юнак – юноша, воин. Юница – девушка.

ИВАН ВАЗОВ

Иван Вазов (1850-1921) - болгарский писатель и общественный деятель, горячий сторонник русско-болгарской дружбы.

Россия (стр. 498) - перевод отрывка из стихотворения "Россия!" из сборника "Тъгитъ на България" (1877).

Из испанской поэзии

ИСПАНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Seguidillas (стр. 499). - Seguidilla - сегидилья, испанская народная песня; в сегидилье семь стихов. Источник перевода: "Cantos populares espanoles", tt. I - V, Sevilla, 1883.

ТЕННИСОН

Теннисон Альфред (1809-1892) - английский поэт, его поэзия, сентиментальная по своему характеру, отличалась живописностью и музыкальностью.

Странствия Мальдуна (стр. 508). - Перевод поэмы "The Voyage of Maldun". Бард - см. примеч. к с. 169. "Отмщение мне". - Цитата из Евангелия (Послание к Римлянам, XII, 19).